

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью

**Внешняя политика Исламской Республики Иран в условиях
постбиполярной системы международных отношений**

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Артюхов Евгений Сергеевич,
студент 407 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОПОП:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Грибан Ирина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры рекламы и связей с
общественностью

дата

подпись

Екатеринбург 2016 г.

Оглавление

	с.
Введение	3
Глава 1. Концептуальные основы внешней политики Исламской Республики Иран в условиях постбиполярного мира	7
1.1. Основы современной системы международных отношений.....	7
1.2. Исламская Республика Иран в современном мире: геополитическая характеристика	18
1.3. Идеологические основы внешней политики Исламской Республики Иран	27
Глава 2. Анализ основных направлений внешней политики Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI вв.	37
2.1. Исламская Республика Иран и Ближний Восток.....	37
2.2. Исламская Республика Иран и США	49
2.3. Исламская Республика Иран и Российская Федерация.....	60
2.4. Перспективы развития внешней политики Исламской Республики Иран в 2016-2020 гг.	72
Заключение	87
Список использованных источников и литературы.....	90
Приложения.....	99

Введение

Современная система международных отношений, характеризующаяся процессами глобализации и регионализации, оказывает значительное влияние на политику Исламской Республики Иран на Ближнем Востоке. Иран выделяется среди других стран региона уникальностью политической структуры и культурно-религиозной самобытностью. Ввиду этого зачастую создается впечатление, что Иран проводит политику, противоречащую основным процессам мирового и регионального развития, и поэтому воспринимается как деструктивный элемент Ближневосточной системы отношений. Однако более глубокий анализ политики Тегерана показывает, что эта страна на современном этапе международных отношений находится в состоянии динамичного развития и адаптации к условиям мировой политики, диктуемым процессами глобализации и регионализации.

На данном этапе тема, связанная с исламом, как никогда актуальна. Процесс ее актуализации начался именно с Исламской революции 1979 г. Ближний Восток с тех пор начал приобретать особый интерес. Тому способствовали следующие события – война в Афганистане (1979-1989 гг.), ирано-иракская война (1980-1988 гг.), создание Аль-Каиды (1988 г.), война в Персидском заливе (1991 г.), теракты 11 сентября 2001 г., война в Афганистане (2001), война в Ираке (2003), события «Арабской весны» (2010-2011 гг.), война в Сирии (с 2011 г.), активные действия «Исламского государства» (с 2014 г.).

Ближний Восток как регион сам по себе актуален на данном этапе развития международных отношений. Занимателен тот факт, что Иран, находясь в регионе нестабильности и конфликтности, не участвовал ни в каких военных действиях напрямую с конца 80-х гг. XX в.

На протяжении более десяти лет мировое сообщество интересовалось вопросом нелегальной ядерной программы Ирана, с чем было связано долгосрочное пребывание страны под международными санкциями. Однако

в июле 2015 г. мировые державы и ИРИ достигли соглашения по демонтажу иранской ядерной программы, что привлекло еще больше внимания со стороны экспертов-иранистов, а также всех лиц, заинтересованных в дальнейшем развитии международных отношений.

Объект исследования – современные международные отношения на Ближнем Востоке.

Предмет исследования – внешняя политика Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента распада Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в 1991 г., когда к власти в ИРИ пришел Али Хаменеи, ознаменовав тем самым новый этап в истории внешней политики республики, по настоящее время, когда Иран претендует на роль регионального лидера и начинает играть все большую роль в расстановке сил на Ближнем Востоке.

Территориальные рамки исследования определены регионом Ближнего и Среднего Востока, включая Исламскую Республику Иран и такие страны, как Республика Ирак, Сирийская Арабская Республика, Ливанская Республика, Исламская Республика Афганистан, Исламская Республика Пакистан, страны Аравийского полуострова и Персидского залива (Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Государство Катар, Государство Кувейт, Королевство Бахрейн, Йеменская Республика), Палестинская администрация, а также Государство Израиль и Российская Федерация.

Степень изученности темы. В последнее время в политической литературе значительно выросло количество трудов, посвященных изучению вопросов, связанных с Ираном. Превалирующее большинство подобных работ касается «ядерного досье» как наиболее актуальной проблемы современного Ирана. Процессы глобализации, вопросы региональной политики, проблемы Ближневосточного региона и, в частности, Ирана широко освещаются в современных научных исследованиях, различных

публикациях, в том числе СМИ, являются предметом обсуждения на правительственном уровне, научных дискуссий. Соответственно, на сегодняшний день имеется значительное количество теоретического материала, посвященного данным вопросам.

В первой главе использованы общие труды по международным отношениям Цыганкова П.А. и Торкунова А.В., а также работа по истории Ирана Алиева С. М. и научные статьи Санаи М. и Мирского Г.

Во второй главе использованы работы таких экспертов-иранистов, как Санаи М., Тишьяр М., Дружиловский С. Б., чьи работы посвящены ирано-российским отношениям; труд Маначинского А. Я. о положении Ирана на Ближнем Востоке; научные статьи об ирано-американских отношениях, представленные Юртаевым В. И., Сажиным В. И., Кожановым Н., а также работы таких авторов, как Мамедова Н. М., Дунаева Е. В.

Стоит отметить, что комплексного исследования, посвященного внешней политике Исламской Республики Иран в современных международных отношениях, выявить не удалось.

Цель исследования – анализ внешней политики Исламской Республики Иран с 1991 г. по настоящее время.

Задачи исследования.

1. Охарактеризовать постбиполярную систему международных отношений.
2. Представить геополитическую характеристику государства.
3. Раскрыть идеологический аспект внешней политики Исламской Республики Иран.
4. Рассмотреть внешнюю политику Исламской Республики Иран по основным направлениям (ИРИ и Ближний Восток, ИРИ и США, ИРИ и РФ).
5. Дать общую оценку внешней политики ИРИ.
6. Определить возможный дальнейший внешнеполитический курс Ирана и сформулировать сценарии его развития.

Источниковая база. Официальные документы иранского руководства, представленные на официальном сайте МИД ИРИ, Конституция ИРИ от 3 декабря 1979 г.

Резолюции Совета Безопасности ООН в отношении постреволюционного Ирана, законы США о запрете ведения экономических отношений с Ираном.

Материалы периодической печати: «Восток», «Россия в глобальной политике», «Международная жизнь» и т.д. Научные работы Института Ближнего Востока и Института Востоковедения Российской Академии Наук.

Электронные источники, включающие в себя видеофрагменты выступлений официальных лиц, представленные на ресурсе Youtube, Russia Today.

Российские, западные, иранские средства массовой информации, переведенные на российских информационных ресурсах Inosmi и Inopress.

Методы исследования. В процессе работы были использованы такие методы исследования, как историко-описательный, картографический, сравнительно-исторический анализ, а также контент-анализ, наблюдение, описание, прогнозирование.

Структуры работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. В первую главу включены три параграфа – Постбиполярная система международных отношений и ее характеристика, теоретические сведения об Иране, его геополитическое положение, а также идеологический аспект и его роль. Вторая глава состоит из четырех параграфов, в первых трех рассмотрена внешняя политика Исламской Республики Иран по основным направлениям – Иран и США, Иран и Ближний Восток, Иран и Российская Федерация. В последнем параграфе представлены возможные перспективы развития внешнеполитической деятельности Ирана с 2016-2020 гг.

Глава 1. Концептуальные основы внешней политики Исламской Республики Иран в условиях постбиполярного мира

1.1. Основы современной системы международных отношений

В данном параграфе рассматриваются международные отношения и то, как они реализуются в рамках действующей системы международных отношений, а также представлена ее характеристика с основными принципами и особенностями.

Следует начать с определения самого термина «международные отношения». Впервые его ввел Дж. Бентам, английский философ-моралист и правовед, на рубеже XVIII-XIX вв. По определению Бентама, международные отношения («общение между государствами») – это, прежде всего, стихийно организованные отношения крупных национальных государств [Хмылев В., 2010, с. 14].

Видный представитель школы классического реализма в теории международных отношений Раймон Арон определял международные отношения, как «отношения между политическими единицами (включая греческие полисы, римскую или египетскую империи, европейские монархии, буржуазные республики, народные демократии)» [Aron R., 1984, p. 17]. По Арону, «содержанием международных отношений является, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры» [Aron R., 1984, p. 17].

Согласно мнению Р. Арона, международные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей – дипломата и солдата. Другими словами, международные отношения содержат альтернативу мира и войны [Цыганков П.А., 2003, с. 22].

Однако с точки зрения представителя либеральной школы транснационализма Дж. Розенау, в сфере международных отношений

образуется так называемый международный континуум, символическими субъектами которого выступают турист и террорист [Rosenau J., 1979, p. 24].

Что касается радикальных направлений, то согласно представителям ортодоксального марксизма К. Марксу и Ф. Энгельсу, международные отношения являются отражением классовой борьбы и в целом носят «вторичный» и «третичный», «перенесенный» характер [Цыганков П.А., 2003, с. 30-31].

По П. А. Цыганкову, международные отношения – это «особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований» [Цыганков П., 2003, с. 26].

Цыганков говорит о том, что международная система является опосредованным результатом поведения государств и следствием самой их природы и устанавливающихся между ними отношений, но также она имеет возможность диктовать государствам свои законы [Цыганков П.А., 2003, с. 31-32].

Сложившаяся вследствие коллапса Советского союза и социалистического лагеря в 1991 г. новая международная система является очередной трансформацией Вестфальской системы (1648 г.) и имеет целый спектр особенностей и принципов текущего развития международных отношений.

1. Система не имеет четкого «центра силы».

«Биполярный мир холодной войны канул в Лету, и на смену ему пришла не монополярность, а динамично развивающаяся – причем в разных векторах и измерениях – новая сложная мировая система, по сути своей многополярная и многомерная. Пришла пора куда более сложных и многомерных политических уравнений, причем их многие переменные и по сей день окончательно не определены» [Торкунов А. В., 1999, с. 7].

Концепция многополюсного мира также не может быть прочной конструкцией нового мирового порядка: сентябрьские 2001 года теракты показали не только, что ни один полюс силы не в состоянии защитить себя в

одинокую, но и то, что все они одновременно и в одинаковой степени уязвимы.

В международной системе произошло и продолжает происходить перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния – в частности, в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и на внешний мир в целом.

К «традиционным» полюсам (страны ЕС/ОЭСР, а также Россия) добавляется ряд наиболее успешных государств Азии и Латинской Америки, а также ЮАР. Все более заметно присутствие на международно-политической арене исламского мира, однако по причине существующего внутрицивилизационного кризиса вряд ли можно говорить об исламе как самостоятельном «полюсе».

Геополитически центр тяжести международной системы смещается в направлении Восток/Азия. Именно в этом ареале находятся самые мощные и энергично развивающиеся новые центры влияния. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, высокая энергетика человеческого капитала. Вместе с тем именно здесь существуют наиболее острые проблемные ситуации (очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, ядерное распространение).

2. Увеличение числа претендентов на лидерство.

За неформальное право войти в состав ядра международно-политической системы конкурируют между собой около 10-15 государств. Расширение их круга произошло за счет тех стран, которые в рамках биполярной международной системы располагались достаточно далеко от ее центра. Начало 00-х гг. связано с растущей ролью таких азиатских государств как Россия, Китай, Индия и Иран.

Касаемо претендентов на получение статусного положения в многополярном мире, президент Фонда национальной безопасности Л.

Шершневу полагал, что такие государства, как Россия, Индия, Китай и Иран, могут объединиться на цивилизационной основе [Шершневу Л.И., 2011, режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/61914/> (дата обращения: 28.11.15)].

Бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт задолго предсказывал, что в конце столетия будет три мировые державы глобального значения – США, Китай и Россия. Шмидт говорил, что Россия как мировая держава будет существовать всегда благодаря своей огромной территории, большому количеству государств-соседей, богатым нефтяным, газовым и прочим минеральным ресурсам, равно как и благодаря колоссальному военному потенциалу, включающему тысячи единиц ядерного оружия [Шмидт Г., 2003, №4, с. 10].

3. США – самый влиятельный игрок на международной арене.

Формально ни одно государство не смогло заявить о посягательстве на де-факто господствующее положение США в мировой иерархии. Используя таких гениев по разработке внешнеполитических приемов, как Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский, США исполняют роль диктатора мирового порядка, основываясь на стратегии национальной безопасности.

Стоит отметить, что даже при относительном ослаблении позиций США сохраняются их огромные возможности влияния на международную жизнь. Роль этого государства в мировой экономике, финансах, торговле, науке, информационном пространстве, космосе и т.д. уникальна и будет оставаться таковой на обозримую перспективу.

По размерам и качеству своего военного потенциала США также являются мировым лидером (не считая текущий ядерный потенциал России).

Бжезинский считает, что главным следствием победы Запада над СССР в холодной войне и исчезновения одной из двух сверхдержав является то, что ответственность за судьбы мира ложится на оставшуюся единственную сверхдержаву – США, а ее возможности позволяют обеспечить не только защиту, но и распространение ценностей демократии, индивидуализма и

рыночного общества во всем мире. Бжезинский отмечает, что уже война в Персидском заливе определила наступление Pax Americana, показав всему миру, что ему придется согласиться с мягкой американской гегемонией [Торкунов А. В., 1999, с. 16-17].

По мнению Г. Киссинджера, победа США в холодной войне возлагает на них нелегкую, но вполне посильную миссию единственного лидера в поддержании равновесия сил в мире [Торкунов А. В., 1999, с. 17].

4. Диалектика экономики и политики.

Одним из особо заметных аспектов является диалектика экономики и политики в современном международном развитии. Иногда на этой почве возникают и обостряются коллизии традиционного типа – как, например, в случае с акваторией Южно-Китайского моря, где на кону огромные запасы нефти на континентальном шельфе. Здесь буквально на глазах усиливается внутрирегиональная конкуренция КНР, Тайваня, Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Брунея. Как следствие, активизация попыток установления контроля над территориями (например, Парасельские острова, архипелаг Спратли); осуществление демонстрационных акций с использованием военно-морских сил, так называемые «игры мускулами»; выстраивание неформальных коалиций с вовлечением внерегиональных держав) и т.п.

Примером кооперативного решения возникающих проблем такого рода могла бы стать Арктика. В этом ареале также существуют конкурентные взаимоотношения по поводу разведанных и эвентуальных природных ресурсов.

5. Регионализация и глобализация мира.

Постепенно мир делится на регионы посредством широкого влияния региональных организаций (Шанхайская организация сотрудничества под эгидой Китая, АСЕАН, ЕАЭС и др.).

ШОС является расширяющимся и постоянно прогрессирующим актором. Так, в 2015 г. принято решение о вступлении в организацию Индии и Пакистана, в ближайшей перспективе стоит вопрос о членстве Ирана и ряда

других стран. «И хотя ШОС пока не слишком активна, сделан еще один шаг к превращению ее в организацию-ядро формирующейся Большой Евразии или даже Сообщества Большой Евразии. Центральную роль в ней может играть взаимодействие Китая и России» [Караганов С. А., Россия в глобальной политике, 2016, №2, с. 24].

АСЕАН представляет успешный проект регионального сотрудничества между странами Юго-Восточной Азии. Члены организации, получившие благодаря своему экономическому рывку неформальное наименование «Азиатские тигры», спустя некоторое время могут заявить о претензиях на повышение своего статуса на международной арене.

БРИКС является примером зарождения кооператива, который свяжет ведущие страны Азии, Африки и Латинской Америки. Что касается этого клуба, то он основан на геополитическом факторе, следовательно, главной его идеей является экономическое и политическое, впоследствии всеобъемлющее, сотрудничество стран-участниц, невзирая на их идеологию и политический режим. Кроме того, «государства уже сотрудничают в рамках новых многосторонних финансовых институтов – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития БРИКС и пуле валютных резервов БРИКС» [Фу И., Россия в глобальной политике, 2016, №3, с. 190].

Однако также одним из факторов нынешней системы является постоянно глобализирующийся мир со своими плюсами и минусами. Явным плюсом является коллективная борьба с общими проблемами: преодоление бедности, борьба с голодом; содействие социально-экономическому развитию наиболее отсталых стран и народов; поддержание экологического и климатического баланса; минимизация негативных воздействий на среду обитания человечества и биосферу в целом; решение крупнейших глобальных проблем в области экономики, науки, культуры, здравоохранения; предупреждение и минимизация последствий природных и техногенных катастроф; организация спасательных операций (в том числе по

гуманитарным основаниям); борьба с терроризмом, международной преступностью и другими проявлениями деструктивной активности; организация порядка на территориях, утративших политико-административную управляемость и оказавшихся во власти анархии, угрожающей международному миру.

В своем знаменитом философском труде «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуяма рассматривал дальнейшие мировые перспективы. Согласно Фукуяме, «конец истории» – не значит, что наступил конец войнам, голоду, этническим и религиозным конфликтам; а то, что в плане идей и теорий нет больше жизнеспособных альтернатив либеральной демократии. Нет живой, здоровой конкуренции, демократия все подавляет [Fukuyama F., 1995, p. 27-43].

Фукуяма говорил, что ислам не может стать конкурентом либеральной демократии, поскольку в политическом смысле исламизм всегда терпел поражение, когда приходил к власти. А человек является потребителем, готовым променять свою бедную родину с культурой и религией на богатое общество, чего ислам, по мнению Фукуямы, дать не может. «Это постоянно иллюстрируют миллионы тех, кто «голосуют ногами», эмигрируя каждый год в Европу, США или Японию» [Фукуяма Ф., 2005, режим доступа: <http://inosmi.ru/panorama/20050304/217752.html> (дата обращения: 1.12.15)].

Миграционные потоки (второе «великое переселение народов») со своей стороны угрожают идентичности сложившихся национальных государств Европы и Америки.

7. Упадок устоев Вестфальской системы.

Главной отрицательной чертой последствий глобализации мира является стирание государственных границ, что ведет к уменьшению значимости основополагающего принципа Вестфальской системы международных отношений – «национального суверенитета».

По мнению основателя теории «государственного суверенитета» Ж. Бодена, суверенитет постоянен, значит, он существует во всех без

исключения формах правления, сменяющих друг друга, и независимо от них; суверенитет абсолютен, ибо суверен никому не подчиняется, он свободен от всех повелений, кроме тех, что исходят непосредственно от него самого; суверенитет неделим: правитель либо обладает суверенитетом целиком и нераздельно, либо не обладает им вовсе. В противном случае мы получаем, по мнению Бодена, беспорядок и хаос смешанного правления. «Суверенитет есть абсолютная и постоянная власть Государства» [Боден Ж., 1999, с. 689-695].

Сложившееся с начала XX в. международное гуманитарное право существенно ограничивает власть государства над его гражданами. Принцип самоопределения народов и нации часто вступают в противоречие с принципом суверенного равенства государств и принципом территориальной целостности государств.

Одним из ярких примеров трансформации суверенов является становление наднационального государства – Евросоюза, – которое последовательно и целенаправленно преодолевает синдром национального государства; в этом – суть нового европейского проекта.

Стремительно растет количество несостоявшихся государств, которые вряд ли станут полноценными суверенными государствами в обозримом будущем. Процессы глобализации размывают метафизическую основу национального суверенитета – национальную идентичность всех без исключения стран мира.

С исторической точки зрения Вестфальская система прекратила свое существование, однако с политологической – она увядающее действует и сейчас. Однако современный мир, мир 2000-х и 2010-х гг. является совершенно новым, постмодерном, в котором принцип национального суверенитета, что согласно Вестфальской системе международных отношений подлежит обязательному исполнению и является незыблемым, стремительно стирается и теряет свою значимость, в результате стремительного замещения его идеей тотальной глобализации мира

[Кортунов С. В., 2007, режим доступа: www.wpec.ru/text/200708310905.htm (дата обращения: 27.11.15)].

Некоторые американские теоретики, такие как Дейч, Киссинджер, Снайдер выступают с позиций коммуникативного подхода к обоснованию необходимости ограничения государственного суверенитета и создания мирового правительства. По мнению сторонников данного подхода, одним из основных факторов отрицания государственного суверенитета является межгосударственная взаимозависимость и международные контакты [Красинский В. В., 2011, режим доступа: <http://roiip.ru/articles/1638.htm> (дата обращения: 01.12.15)].

Представители транснационализма отмечают, что сегодня отношения между государствами уже не являются основой мировой политики. Многообразие участников, видов и «каналов» взаимодействия между ними вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» в «транснациональное». Для новых акторов, «акторов вне суверенитета», не существует национальных границ. На наших глазах возникает глобальный мир, в котором разделение политики на внутреннюю и внешнюю теряет всякое значение [Цыганков П.А., 2003, с. 33].

8. Проблематика безопасности.

Сам феномен безопасности понимается каждой страной так, как ей это удобно. Не существует универсального органа безопасности. Все более актуальным становится вопрос о распространении ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, ракетных технологий. Новое понимание роли ядерного оружия в системе национальной безопасности.

Сказывается необходимость в создании или модернизации уже существующих военно-политических структур (НАТО), поскольку этот альянс создавался под совершенно другие военные задачи, нежели борьба с транснациональным терроризмом, что является важнейшим вызовом XXI века.

Бомбардировки Югославии, события 11 сентября 2001 г., вторжение США в Ирак, Арабская весна, вооруженный конфликт на востоке Украины – нанесли также тяжелый удар по Организации Объединенных Наций и другим организациям системы международной безопасности, например, ОБСЕ, которые становятся невостребованными в новой исторической ситуации.

С. Караганов отмечает, что «ОБСЕ – это организация, несущая генетическую память холодной войны. Превратиться в действенный инструмент создания постблоковой системы безопасности ей не позволили. В результате двадцать лет организация играла по большей части негативную роль» [Караганов С. А., Россия в глобальной политике, 2016, №2, с. 30].

9. Повышенное внимание к исламской цивилизации.

Инцидент 11 сентября 2001 г. дал новый виток в международных отношениях. Знаменитые теракты предоставили повод для корректирования внешнеполитических стратегий ряда государств, особенно в пострадавших США. Мнения о природе этих терактов расходятся, однако, посредством широкого освещения мировыми СМИ, официально появился новый враг на глобальной арене в лице международного терроризма, исламского терроризма.

Это событие помогло «развязать руки» правительству Дж. Буша-младшего. Такой шанс он мгновенно использовал, сменив риторику в адрес исламских фундаменталистов на критически резкий тон, после чего были организованы военные кампании в Афганистане (2001 г.) и позже в Ираке (2003 г.), что позволило США лучше закрепиться в регионе Западной и Средней Азии.

В рамках действующей системы исламский мир занял особое положение, являясь оппонентом универсальности западно-центристской модели. Как пример, арабский мир (Лига арабских государств) принял свою собственную Арабскую хартию прав человека в 2004 г., так как Европейская хартия противоречит Корану и шариату. По мнению С. Караганова, «арабский ислам не соответствует требованиям модернизации общества, не

позволяет людям приспособиться к современному миру. Разрыв между внешним и исламским мирами стремительно растет» [Караганов С. А., Россия в глобальной политике, 2016, режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/V-predvoennom-sostoyanii-o-vneshneipolitike-i-ekonomike-18108> (дата обращения: 10.05.2016)].

В настоящее время будет также актуально упомянуть теорию «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Этот историко-философский трактат посвящен миру в постбиполярной системе. Как считает Хантингтон, столкновение между современными цивилизациями Запада и мусульманского Востока действительно есть столкновение двух универсалистских моделей, но только это противостояние пролегает не между христианством и исламом, а идеологией западного неолиберализма и современным возрождающимся исламом [Хантингтон С., 2003, с. 122].

На этот счет С. Караганов отмечает, что это «не столько война цивилизаций, сколько внутрицивилизационный кризис. Он разворачивается внутри исламской цивилизации столь бурно, что даже расплескивается в разные стороны – в Индию, на христианские территории Европы, включая Россию» [Караганов С. А., Россия в глобальной политике, 2016, режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/V-predvoennom-sostoyanii-o-vneshneipolitike-i-ekonomike-18108> (дата обращения: 10.05.2016)].

«Мир преобразуется, он не становится ни лучше, ни хуже – он становится другим. Перемены, происходящие в мире, диктуют необходимость изменения международно-правовых норм, которые в свою очередь регулировали бы новые явления и процессы. Важно, чтобы эти изменения не заслоняли самого главного, во имя чего они проводятся, – человека с его правами и свободами» [Зорькин В. Д., Россия в глобальной политике, 2004, №3, с. 24].

Международные отношения (мир) – «это уже не «джунгли», не «война всех против всех», но и не единое сообщество, живущее по единым законам и в соответствии с общими, разделяемыми всеми его членами ценностями и

нормами. Речь идет, скорее, о переходном состоянии, когда усиливающаяся тенденция к становлению мирового сообщества не стала необратимой, когда элементы регулирования и «плюрализм суверенитетов», расширение сотрудничества на основе взаимных интересов и совершенствование средств насилия сосуществуют друг с другом, то взаимно уравновешиваясь, то вновь вступая в противоборство» [Цыганков П.А., 2003, с. 25].

Растущая актуальность исламского мира, международный (исламский) терроризм и нераспространенческие вопросы, противостояние процессам глобализации и несогласие с господствующей ролью США в мире, заявка на повышение статуса своей важности – все эти факторы, так или иначе, связаны с Исламской Республикой Иран, ее мировой политикой. Таким образом, внешняя политика Исламской Республики Иран представляется весьма интересным предметом для исследования.

1.2. Исламская Республика Иран в современном мире: геополитическая характеристика

В данном параграфе представлена общая характеристика геополитического положения Ирана, а также его внутригосударственного устройства.

После успешной революции исламских фундаменталистов в 1978-1979 гг. государство официально именуется как Исламская Республика Иран. Является одной из крупнейших стран не только Ближнего Востока, но и всего мира. Занимая 17 строчку в мировом рейтинге по площади территории – 1.648.195 км². Столица государства – Тегеран [World Stat, режим доступа: <http://ru.worldstat.info/Asia/Iran/Land> (дата обращения: 3.12.15)].

Исламская Республика занимает чрезвычайно выгодное географическое положение. Располагаясь на месте некогда величественной Персидской империи (до 1935 года Иран именовался Персией), современный Иран стоит на перекрестке множества торговых путей как с востока на запад,

так и с севера на юг. Имея выход к тёплым водам Персидского залива, это государство может беспрепятственно развивать морское сообщение с множеством стран.

По форме политического и государственного устройства Иран – теократия с элементами демократии. Страной, какой она сформировалась после Исламской революции 1978-1979 гг., управляют богословы, т.е. в фундаменте государственности и власти лежит религиозное начало. Это идея носит официальный, юридически закрепленный характер, которая служит незыблемым базисом в действующей с 1979 года Конституции Исламской Республики Иран [Конституция ИРИ, режим доступа: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 05.12.15)].

Главенствующее положение во всей существующей в Иране иерархии власти занимает пост Высшего руководителя, или рахбара. Согласно статье 5 Конституции Исламской Республики Иран, «В период великого сокрытия Вали-е-Аср (то есть ожидаемого иранскими мусульманами-шиитами мессии), в Исламской Республике Иран руководство над уммой и управление обществом возлагается на справедливого, набожного, знакомого с требованиями времени, мужественного, рассудительного, обладающего умением управлять факиха (духовного лидера), который назначается на этот пост согласно статье 107-й Конституции Исламской Республики Иран» [Конституция ИРИ, режим доступа: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 05.12.15)].

Статья 57 Конституции Исламской Республики закрепляет, что: «Управление Исламской Республикой Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебной властями, которые функционируют под контролем абсолютного правления имама (веляят-е факих). Указанные власти не зависимы друг от друга» [Конституция ИРИ, режим доступа: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 05.12.15)].

emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 5.12.15)].

Это лицо избирается и может быть отправлено в отставку лишь специальным государственным органом, Советом Экспертов (Assembly Experts), который состоит из 86 мудштахидов, исламских богословов, достигших совершенства в знании и толковании Корана, шариата, хадисов и исламского права (фикха). Только им позволено управлять судьбой Верховного правителя, однако Совет стражей Конституции, надпарламентский государственный орган, имеет право наложить вето на предложение любого кандидата на пост рахбара, предложенного Советом экспертов. Духовный лидер избирается на пожизненный срок. В данный момент власть принадлежит великому аятолле Али Хосейни Хаменеи, будучи лишь вторым рахбаром ИРИ, заняв пост в 1989 г. Первым был аятолла Сейид Рухолла Мостафави Мусави Хомейни, он же лидер и организатор Исламской революции 1979 года, отец нового порядка, покинувший этот пост в связи с кончиной в 1989 году.

Однако в этом настоящем теократическом государстве имеют место быть демократические ценности. В Иране существует и пост президента с его правительством, и парламент. Но отчасти эти структуры выполняют формальные функции. Действующим президентом является Хасан Рухани, пришедший на должность в результате выборов в 2013 году. Х. Рухани выступает от Исламской республиканской партии (которая была распущена в 1989 году). Вообще, большое количество политических партий либо в изгнании (в попытке влиять на Иран, штаб-квартиры находятся за пределами страны), либо их члены были заключены в тюрьму за высокий уровень инакомыслия.

Иран не игнорирует участие в каких-либо политических и экономических блоках. Своих представителей государство имеет в ООН, Организации Исламской Конференции (ОИС), Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), имеет статус наблюдателя в Ассоциации

регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), статус наблюдателя и заявка на полноценное членство в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Иран имеет довольно пёстрый этнический состав населения. Большинство населения Ирана – этнические персы (по разным оценкам от 36 % до 61 %). Персы проживают на территории всего Ирана, говорят на фарси, являющемся государственным. Их историческая родина – провинция Парс. Вторая по численности этническая группа – азербайджанцы (по разным оценкам от 16 % до 40 %), проживающие главным образом на северо-западе страны, в так называемом Иранском Азербайджане (Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, Зенджан, Казвин, Хамадан, Ардебиль). Курды составляют около 5 % – 10 % населения Ирана. Они проживают на западе страны, в провинциях Курдистан, Западный Азербайджан, Керманшах. На севере Ирана, вдоль берегов Каспийского моря проживают талыши, гилянцы и мазендеранцы (около 7 %). На северо-востоке представлены туркмены (большинство в остане Голестан), небольшими группами проживают тюркские племена (карайи, карагозлу, таймурташ) и этнические группы чараймаков. Белуджи занимают юго-восточную часть страны (остан Систан и Белуджистан). Отдельные их группы проживают в Хорасане и Кермане и западном Мекране. На юге-западе проживают луры и бахтиары. Арабы также населяют юго-западную часть страны, в основном провинцию Хузестан, а также расселены на побережье Персидского залива. К прочим этническим меньшинствам относятся: лаки, тати, различные тюркские племена, в том числе племенные объединения кашкайцев и хамсе, а также армяне, ассирийцы [Численность населения Ирана, режим доступа: <http://dibit.ru/statistics/who/irn/population.html> (дата обращения: 05.12.15)].

Большинство иранцев – мусульмане. 89 % – шииты, 9 % – сунниты. К остальным 2 % относятся христиане, зороастрийцы, иудеи, бахаи и прочие религиозные меньшинства. Из числа меньшинств только христиане, иудеи и зороастрийцы защищены Конституцией и имеют место в межджисе.

Относительно вопроса, связанного с населением, можно также сказать следующее. Государство проводит довольно грамотную политику, население не превышает 80 миллионов человек при достаточном географическом пространстве. По данным Statistical Centre of Iran на 9 июня 2015 года численность населения составила 78 408 412 человек [Statistical Centre of Iran, режим доступа: <http://www.amar.org.ir> (дата обращения: 06.12.15)].

Иран расположен в юго-западной Азии, где граничит с Азербайджаном (протяжённость границы – 611 км) и Арменией (36 км) на северо-западе, с Туркменией (992 км) на северо-востоке, с Пакистаном (909 км) и Афганистаном (936 км) на востоке, с Турцией (499 км) и Ираком (1458 км) на западе. На севере омывается Каспийским морем, на юге – Персидским и Оманским заливами Аравийского моря.

Иран обладает среднеразвитой экономикой, основанной на экспорте сырья. Экономическое положение страны долгое время находилось в упадке, и по сей день страдает от давления некоторых санкций. Тем не менее, состояние экономико-социального аспекта региональных стран-соседей Ирана гораздо ниже последнего, это касается ближайших соседей (без учета стран Аравийского полуострова), таких как Сирия, Ирак, Ливан, Афганистан.

Иран же, тем не менее, является одним из претендентов на роль всеобъемлющего лидера на Ближнем Востоке, противостоя Саудовской Аравии на юге, враждебному Израилю на западе, неоднозначной и не нужной Европейскому союзу Турецкой Республики на северо-западе.

Структура экономики Ирана более чем на 90% состоит из нефтедобычи, остальные 10% – легкая промышленность (ковры) и сельское хозяйство (фисташки, финики).

Располагаясь в наиболее богатом углеводородами районе земного шара, Иран обладает огромными запасами нефти и газа [Central Intelligence Agency, режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (режим доступа: 06.12.15)]. Выгодное военно-стратегическое положение республики также является очевидным. Уже

упомянутый выход к водам Персидского залива (и, соответственно, Индийского океана) делает Иран привлекательным союзником для России, которая, как мы знаем, всегда стремилась обрести доступ к незамерзающим южным портам. В 2015 году министр энергетики России Александр Новак заявил о взаимовыгодности этих проектов [EurAsia Daily, режим доступа: eadaily.com/news/2015/11/06/rossiya-i-iran-mogut-obmenivatsya-neftyu-i-gazom-svor-s-vyhadom-na-novye-runki (дата обращения: 20.11.15)].

В перспективе данное сотрудничество позволило бы провести целый ряд новых торговых путей (например – в Индию, отношения с которой РФ развивает всё более активно), а также укрепить безопасность в регионе за счёт улучшения коммуникации ведущих сил, противостоящих его дестабилизации.

Иран относится, скорее, к развивающимся странам, экономика которого отчасти держится благодаря экспорту энергоресурсов. Иран владеет около 10% от мировых запасов нефти и 13% от запасов стран ОПЕК (Приложение 2). Согласно Oil & Gas Journal, по состоянию на январь 2014 года Иран обладал доказанными запасами нефти в 157 млрд баррелей [Oil & Gas Journal, режим доступа: <http://www.ogj.com/index.html> (дата обращения: 07.12.15)]. Но ситуация с экспортозависимостью ресурсов экономики страны может вскоре прекратиться в связи с ослаблением и, в случае успеха, последующей ликвидацией экономических санкций. Исламская Республика имеет огромный потенциал вырваться в мировые державы. С каждым годом все больше наращивает обороты в экономической, политической, научной, военной сферах.

Вообще, государство сильно пострадало от экономических и энергетических санкций. Страны, закупающие ранее у Ирана нефть, отказались от этого, некоторые сократили закупку (Китай, Турция, Индия и др.), но, тем не менее, экономике был нанесен болезненный удар.

Оценивая положение страны с точки зрения международной безопасности можно отметить, что Дж. Буш-младший, будучи президентом,

включил ИРИ в «ось зла», в которую ранее был включен Ирак Саддама Хусейна, наряду с КНДР. Запад обвиняет Иран в пособничестве терроризму, в финансовой поддержке таких организаций, как Ливанская Хезболла, ХАМАС в Газе, в непосредственной поддержке режима Башара аль-Асада в Сирии, с коим на протяжении нескольких лет боролись США. Стоит отметить, что Барак Обама, выступая на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, обозначил мировыми угрозами на данном этапе развития международных отношений террористическую транснациональную сеть «Исламское государство», агрессивное поведение России на мировой арене и распространение лихорадки Эбола [РИА-Новости, режим доступа: <http://www.ria.ru/world/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 08.12.15)].

У Ирана есть нерешенные территориальные споры, например, в этом году (2016) исполняется уже двадцать лет ежегодных переговорных встреч по вопросу правового статуса Каспийского моря. Делить сферы влияния придется с Азербайджаном, Россией, Казахстаном и Туркменистаном. На последнем саммите (2015) в Баку (Азербайджан), серьезных подвижек не произошло, но прозвучало устное обещание о подписании Конвенции о правовом статусе Каспия на следующем саммите 2016 года в Астане (Казахстан).

Существуют территориальные споры между Ираном и Объединёнными Арабскими Эмиратами в отношении трёх островов в Ормузском проливе, контролирующих вход в Персидский залив. В конце 1940-х островами попеременно владели шейхи эмиратов Абу-Даби и Дубая, находившихся под британским протекторатом. В 1971 году, после ухода Великобритании из региона, острова должны были достаться ОАЭ, в состав которых вошли оба этих эмирата, но их захватил шахский Иран. На островах по сей день содержится значительный военный контингент. Также существуют претензии на территории Азербайджана, Афганистана и части территории Пакистана.

В целом Иран сейчас занимает пограничное и неоднозначное место в системе мироустройства. Тем не менее, государство весьма амбициозное – удачное географическое положение; сокровищница природных ресурсов; центр торговых путей; имеет собственный спутник, что делает Иран космической державой; уделяется огромное значение научной деятельности и развитию новых технологий. Поэтому можно сказать, что Иран является явным претендентом на повышение статуса на международной арене.

По внешнеполитическим решениям Иран схож с позициями России и Китая. На данный момент отношения между государствами дружественные, даже, несмотря на то, что оба вышеназванных, являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН, то есть, будучи обладателями права вето, поддерживали антииранские экономические санкции.

После вступления санкций Совбеза ООН в силу, Китай продолжил закупать нефть у Ирана. Во многом благодаря таким государствам, как Китай и Турция, Иран смог, не потерпев фиаско с падением некогда установившегося режима исламских фундаменталистов, пережить этот долгосрочный кризисный период.

Мировое сообщество, с приходом к президентству Махмуда Ахмадинежада, было обеспокоено его радикальными заявлениями, относительно намерения развития ядерной программы в 2005-2006 гг. Владение ядерными разработками и технологиями само по себе дает приоритетное значение в мире, не говоря уже о наличии самой ядерной боеголовки.

Что касается российско-иранских отношений, то до 1979 года, то есть во времена шахского правления, отношения между Россией (СССР) и Ираном были неплодотворными. Поскольку при шахе Пехлеви Иран был преданным и надежным сателлитом США на Ближнем Востоке, что во многом явилось причиной революции.

В те времена как раз впервые был намечен план построения ядерной энергетики в стране, причем не только мирного атома. Изначально, с 1975

года, проект Бушерской АЭС, первой на Ближнем Востоке, велся западногерманским концерном Kraftwerk Union, подразделением Siemens. Но уже в 1980 году правительство ФРГ присоединилось к санкциям США, введённым против Ирана после Исламской революции 1979 года, и строительство было прекращено.

После революции проект был долгое время заморожен, но Россия, наладившая отношения между странами, договорилась о продолжении строительства атомной электростанции в Бушере в августе 1992 года.

Постройка нового источника энергии в Иране во многом поспособствовала улучшению и укреплению отношений между странами. После введения АЭС в Бушере в эксплуатацию был намечен последующий план действий – Россия заключила несколько контрактов на продолжение развития мирного атома в Иране – что является доказательством в долгосрочной заинтересованности сторон.

Не стоит забывать о негласном альянсе Ирана и России, сложившемся в ходе военных операций на территории Сирийской Арабской Республики. Стороны поддерживали друг друга по многим вопросам: выступают за сохранение Башара аль-Асада на посту президента Сирии, борьба с региональным и глобальным терроризмом, борьба с наркоконтрабандой и др. Однако в середине марта 2016 г. Россия отозвала часть своей армии из военного конфликта в Сирии, эксперты Bloomberg предположили, что это может негативно сказаться на российско-иранских отношениях [РИА-Иран, режим доступа: <http://www.iran.ru/news/politics/100384> (дата обращения: 10.12.15)].

В целом, отношение сотрудничества и консолидации либо отношение вражды и неприязнтельности между любыми государствами зависят от многих факторов. Ключом к успешной внутренней и внешней политике государства является его грамотное руководство, которое будет соблюдать международное право и мировой порядок, при этом проводя свою

собственную концептуальную программу или идеологию, на чем основана стратегия внешней политики.

1.3. Идеологические основы внешней политики Исламской Республики

Иран

В истории немало случаев того, что не только геополитическое положение государства определяет его статус, но также – его официальная идеология, которая может как способствовать успеху на международной арене, так и привести государство в состояние изолированности от внешнего мира, что может негативно сказаться на социально-экономическом уровне, несмотря на выгодное географическое положение и ресурсную обеспеченность. В данном параграфе представлен идеологический аспект внешней политики Исламской Республики Иран.

Идеология – то есть стратегия или политика, основанная на присущей определенной идее.

По К. Мангейму, идеология – «предвзятое отражение социальной действительности, выражающее интересы определённых групп или классов, находящихся у власти и, тем самым, стремящихся сохранить существующий порядок вещей; противопоставляется утопии как потенциальной идеологии в этом смысле» [Мангейм К., режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/classic/manngem-recenz.php> (дата обращения: 12.12.15)].

Неофрейдист Э. Фромм определяет идеологию как «готовый «мыслительный товар», распространяемый прессой, ораторами, идеологами для того, чтобы манипулировать массой людей с целью, ничего общего не имеющей с идеологией и очень часто совершенно ей противоположной» [Фромм Э., 2015, с. 57].

Исламская Республика Иран является реальной теократией, которой присущи идеи традиционализма, т.е. непринятие идей модерна и тем более

постмодерна. Традиционалисты, кем были пришедшие к власти исламские фундаменталисты во главе с Р. Хомейни и его последователем А. Хаменеи, ставят божественное начало превыше всего, считают религию обязательной догмой. Таким образом, идеология иранцев представлена исламом шиитского толка, что после успешной революции была юридически закреплена в Конституции ИРИ [Конституция ИРИ, режим доступа: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iranpdf (дата обращения: 05.12.15)].

По Цицерону, религия – особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации. Цицерон связывал ее с лат. *religere* – собирать, благоговеть, соблюдать, вновь обдумывать [Цицерон М.Т., 1985, с. 5-59].

Американский антрополог К. Гирц, исследуя «культурный аспект анализа религии», дает ее определение также как системы символов, «которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными» [Гирц К., 2004, с. 108].

Следовательно, религия в Иране, теократическом государстве, – это основной рычаг влияния и давления, достаточно непоколебимый в силу того, что: во-первых, она закреплена в качестве базиса в главном своде законов (Конституция), а потому любое инакомыслие подвергается гонениям и преследованиям с уголовной ответственностью, вплоть до смертной казни; во-вторых, необразованная часть населения просто не знает о наличии более приемлемого культа и образа жизни, ведь так жили их предки, так жил пророк Мохаммед, потому они тоже должны жить именно в таком ключе; в-третьих, это незнание также зависит от внутренней политики государства, так как в Иране жестко контролируются СМИ посредством государственной

филтрации и заключения под стражу сотрудников масс-медиа за негативное освещение страны.

Возможность созревания революции внутри иранского общества, подобной политическим демонстрациям «Арабской весны», вряд ли возможна, ведь Иран суров в отношении интернет-политики, позаимствовав технологии «Золотого щита» у китайских партнеров, в чьей стране мировые социальные сети западного образца (Facebook, Twitter, Youtube), посредством использования которых осуществлялись революционные движения в арабском мире, внесены в реестр запрещенных.

Возрастающая роль религиозного фактора стала определяющей после свержения шахского режима в ходе Исламской революции 1978-1979 гг. В результате чего была упразднена монархическая система в пользу республиканской формы правления с доминирующей ролью ислама шиитского толка. Отсюда и нынешнее наименование в официальном виде – Исламская Республика Иран. В связи с лояльностью и дружественностью с американской элитой, в период революции 1978-1979 гг. оппозиционеры называли его «американским шахом Ирана» [Алиев С. М., 2004, с. 541]. После восстания же сформировалось государство антизападной направленности, проводящее самостоятельную, сугубо консервативную политику, основываясь на ценности своей религии и цивилизации.

В Иране существует пост Высшего руководителя, который занимает аятолла Али Хаменеи, обладающий решающим словом. Именно в руках этого человека сконцентрирована вся полнота власти и влияния, чей пост по предоставленным ему полномочиям мало отличается от абсолютной монархии шаха. Различие лишь в том, что шах правил исходя из личных интересов или интересов своих союзников, а рахбар – следуя шиитской доктрине Вилаят аль-факих, основанной на хадисах пророка Мухаммада и имамов Ахл аль-Бейт.

Несмотря на то, что Иран является представителем традиционного государства, в стране наличествует демократия, выраженная всеобщими

выборами (президент, меджлис, Совет экспертов), хотя и ограниченная узкими и жесткими рамками исламской государственности. Согласно данным Freedom House за 2016 г., уровень свободы волеизъявления в Иране (17%) практически равен уровню России (22%) и Китая (16%), но выше, чем в Саудовской Аравии (10%) [Freedom House, режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/iran> (дата обращения: 15.12.15)]. По этому показателю Али Хаменеи и последний диктатор Европы А. Лукашенко находятся в равном положении [Myers S. L., 2004, режим доступа: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9F04E5DB153DF9> (дата обращения: 15.12.15)].

Наличие демократии доказали президентские выборы в Исламской Республике Иран в июне 2005 года, которые преподнесли сюрприз не только мировому сообществу, но и самим избирателям. Победы столичного мэра Махмуда Ахмадинежада, малоизвестного политика с репутацией радикала, не ожидал никто, так как фаворитом считался умеренный «тяжеловес» Али Акбар Хашеми Рафсанджани, уже дважды занимавший пост президента страны (1989–1997). Исход выборов отразил перемены, происходящие в иранском обществе [Сажин В. И., Россия в глобальной политике, 2005, №4, с.63].

Однако эта перемена, с приходом М. Ахмадинежада к власти, оказалась в итоге, после очередной победы на выборах в 2009 г., конфронтацией между ним и духовным лидером аятоллой Али Хаменеи. Это обострение между головами государства могло привести к трансформации Ирана в светское государство националистической направленности. К счастью для Верховного лидера конфликт был разрешен, а Иран сохранил режим теократии [Лукоянов А. К., Россия в глобальной политике, 2011, №3, с. 133].

Бывший чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран, Мехди Санаи рассуждал на тему религии, в целом, и исламе в Иране, в частности. Он говорил, что «религиозное начало и политика в исламе неразрывны. В силу того что ислам, по сути, создает всеобъемлющие планы

и программы действий для личности и для общества в целом, он рассматривает политику и власть как инструменты реализации этих планов и программ. Таким образом, у мусульман выработалось особое, коренящееся в учении Пророка, отношение к политике» [Санаи М., Россия и мусульманский мир, 2006, №8, с. 159].

В целом, использование религии в качестве официальной государственной идеологии весьма удобно и выгодно. Объединение населения государства посредством не популярной в других странах ветви ислама – шиизма – дает некоторые плюсы. Это говорит об уникальности и исключительности шиитов, что повышает уровень конфессиональных, патриотических и националистических настроений, ведущих к сплочению иранского народа против суннитской угрозы.

«На протяжении всей своей истории шииты в арабских странах подвергались гонениям, ощущали себя людьми второго сорта». Иранская революция имела принципиальное значение: она совпала с политическим пробуждением шиитов, в течение столетий веривших, что законная власть установится только после возвращения «скрытого имама», а до тех пор, в сущности, не так уж и важно, кто правит страной. Но скрытым до поры до времени оказался не имам, а бунтарский «шиитский дух» [Мирский Г. И., Россия в глобальной политике, 2005, №6, с. 132].

Победа исламской революции явилась громом среди ясного неба, как для Соединенных Штатов, так и для Советского Союза. Американцы и помыслить не могли, что народ, положение которого в целом улучшилось в результате «белой революции» шаха, восстанет против режима. Советские же руководители исходили из того, что революция может быть только классовой, антибуржуазной, а условия в Иране для этого еще не созрели. Но в иранской революции воедино слились религиозный и националистический факторы. Чисто материальные стимулы отошли на второй план, и когда через несколько лет выяснилось, что благосостояние людей ухудшилось, Хомейни

сказал: «Мы не для того совершали революцию, чтобы снизить цены на дыни» [Мирский Г. И., Россия в глобальной политике, 2005, №6, с. 133].

После Исламской революции 1978-1979 гг. явно прозападная ориентированность была устранена. Произошло так называемое возрождение ислама. Изначально, 13 февраля было создано Временное правительство во главе с Мехди Базарганом. Также захват посольства США в Тегеране и удержание в заложниках его сотрудников на протяжении более 1 года (444 дня) свело все ранее шахом установленные связи на нет – разрыв дипломатических отношений с США.

Главный организатор, отец исламской революции, аятолла Рухолла Хомейни готовился к осуществлению своих замыслов за долгое время. Обозленный на власть, изгнанный из государства и находящийся в политическом убежище во Франции, и оттого еще более радикально настроенный Хомейни вернулся спустя время в Тегеран, на следующий день после отъезда шаха Реза Пехлеви, национальным героем. Для воодушевленного народа он был тем, кто изгнал из страны западных захватчиков-капиталистов, получив возможность проводить независимую внешнюю политику (по сценарию КНДР), поощряя экономически направленные организации Ирана крупными дотациями из государственного бюджета. Складывалась исключительная протекционистская направленность ИРИ.

Как следствие, экономика Ирана начала страдать от высокого уровня инфляции, в 90-е гг. поднявшегося даже до 59 %. Но после победы на президентских выборах 2013 г. Х. Рухани началось падение уровня инфляции, что на февраль 2016 г. составляет уже 8,9 % [Trading Economics, режим доступа: <http://ru.tradingeconomics.com/iran/inflation-cpi> (дата обращения: 17.12.15)].

В 1989 году на пост Высшего руководителя ИРИ вступил аятолла Али Хаменеи. По своему курсу такой же радикальный и ультраконсервативный лидер, как Хомейни. Незадолго до смерти (1989), Хомейни внес серьезные

поправки в действующую с 15 ноября 1979 года Конституцию Исламской республики Иран. Самое важное то, что результатом пересмотра главного свода законов в 1989 году было расширение полномочий президента и устранение должности премьер-министра.

В эпоху правления нового духовного лидера первым президентом, избранным народным голосованием, то есть демократическим путем, стал умеренный прагматик Али Акбар Хашеми Рафсанджани. После председательствовавший в Совете целесообразности, будучи при этом личным советником Али Хаменеи. Однако после февральских выборов (февраль-март 2016) Рафсанджани набрал наибольшее количество голосов в Совет Экспертов. Касаясь его политической линии, она сместилась в сторону реформистского русла. Рафсанджани и Рухани, вероятно, будут пытаться играть одни из ключевых ролей в будущем становлении истеблишмента Ирана, заняв первое и третье место в нынешнем созыве Совета экспертов, соответственно.

Рафсанджани занимал президентский пост два срока подряд. В 1997 году к власти пришел Мохаммад Хатами, первый серьезный реформист. Он также занимал пост дважды подряд. Вступив в должность, Хатами провозгласил свой курс как «политику терпимого отношения к культуре и установление более тесных связей со странами Запада». За что очень критиковался сторонниками жесткой линии, консерваторами во главе с рахбаром. Хатами проделал большую работу, восстанавливая отношения с западными странами, но Соединенные Штаты остались при своих взглядах. Поэтому не удалось восстановить разрушенные в 1979 году дипломатические отношения между странами. Противостояние по типу «реформисты – консерваторы» приводило к неоднократным случаям наложения вето со стороны Хаменеи или же Совета стражей конституции.

В 2005 году, вероятно, на радость Высшему руководителю к президентству пришел радикал-ультраконсерватор Махмуд Ахмадинежад. По некоторым данным ЦРУ, он известен еще со времен исламской

революции, являясь тогда одним из офицеров Корпуса стражей Исламской Революции (КСИР). То есть фактически он был одним из прямых участников революции. Никого не удивил провозглашенный им политический курс. В некоторых источниках эпоха правления светского президента именуется «холодной войной» с Западом.

После долгого нахождения радикала у власти, избрание умеренного реформиста Хасана Рухани на президентских выборах 2013 г. дало Ирану надежду на лучшее будущее. Действительно, Рухани провел серьезную реформаторскую работу. Главным результатом его деятельности можно назвать выполнение ключевого пункта его предвыборной кампании – решение вопроса о ядерной программе Ирана – что было достигнуто в ходе многодневных переговоров с группой «5+1» в Вене в июле 2015 г. Закрытие столь важного пункта в истории Исламской Республики Иран получило неоднозначную оценку. Умеренные политики и сторонники реформ восприняли эту весть как победу, как открытие новой главы в отношениях между Западом и Ираном. Заключение соглашения по ядерному дозе также не могло не радовать простых иранцев. Ведь выполнение этого соглашения сулит, наконец, снятие экономических и энергетических санкций, что приведет иностранный капитал в Иран.

Чего не скажешь о традиционных консерваторах иранской элиты. Консерваторы, в их числе рахбар Али Хаменеи, критиковали Хасана Рухани и его кабинет министров за его лояльность и следование западному курсу.

Однако после заключения соглашения с «шестеркой» министр иностранных дел Джавад Зариф сделал заявление о том, что «достижение консенсуса носит характер win-win, то есть никто не проиграл и не пострадал от сделки, но, стоит заметить, это далеко не идеальный вариант» [Borger J., режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2015/jul/14/iran-nuclear-deal-expected-to-be-announced-in-vienna> (дата обращения: 10.09.15)].

Итак, стоит кратко отметить ключевые этапы волатильности официальной идеологии ИРИ.

1979-1989 гг. – Р. Хомейни провозгласил политику экспансии исламской революции. Даже направлял телеграмму Горбачеву, призывая к подобной революции. Разрыв дипломатических отношений с США (захват посольства в Тегеране) и Великобританией (дело Салмана Рушди).

1989 г. – Р. Хомейни вносит поправки в Конституцию ИРИ – больше прав у президента, устранил пост премьер-министра.

1989-1997 гг. – Иран при президенте А. Хашеми Рафсанджани. Он является умеренным прагматиком с гибкой политикой. Рафсанджани старался показать США о желании наладить связи, но правительство Уильяма Клинтона не отвечало на них. Более того, в 1996 г. в США был принят закон Д'Амато, предусматривающий ужесточение санкций в отношении Ирана.

1997-2005 гг. – Иран при президенте М. Хатами. Он провозгласил официальный курс на сближение с Западом и США. Адекватно понимал, что Запад более развитый и что необходимо взять у него все самое лучшее. Иран как «теократия с человеческим лицом». Однако его замыслы не увенчались успехом. После терактов 11 сентября Дж. Буш-мл. включил Иран в «ось зла», окружив его с двух сторон, одновременно проводя военные кампании в Афганистане и Ираке.

2005-2013 гг. – Иран при президенте М. Ахмадинежаде. Провозгласил радикальный курс внешней политики против нахождения США и Израиля в пределах региона. Предлагал отказаться от торговли нефтью за доллары в пользу евро. Нарастивание военной мощи государства, заявление о развитии ядерной программы. Отрицание демократии, т.к. она представляет основную угрозу. В период его президентства в 2006 г., в 2007 г. и в 2010 г. были ужесточены санкции.

2013-наст.вр. – Иран при президенте Х. Рухани. Он является умеренным, реформистом, который провозгласил курс на сближение с Западом, уладил вопрос о ядерном досье. Относительное сотрудничество ислама и демократии. Конфликт между Хаменеи и Рухани из-за ядерного

соглашения. Совместные действия Ирана и международных сил в борьбе с терроризмом.

Принципы внешней политики на основе идеологии. Оппонирование суннизму, экспансия шиизма, поддержка региональных шиитских меньшинств, курдов-алавитов в Турции, сирийского президента-алавита Башара аль-Асада. Занять господствующее положение в регионе, оттеснив таких кандидатов на лидерство, как Саудовская Аравия и Турция.

В целом, главной целью современной внешней политики ИРИ определено создание условий для формирования Рах Умма Исламика. Это положение, официально закрепленное в статье 11 Конституции ИРИ, является обязанностью для всех граждан страны и имеет долговременный характер [Юртаев В. И., 2015, с. 44].

Современный этап можно также охарактеризовать как иранский ренессанс. Зарождающаяся оттепель между Ираном и США, но мгновенно увядающая. Государство наращивает обороты на мировой арене, заключив ряд соглашений с европейскими, китайскими и российскими партнерами. Спустя некоторое время страна может вновь оказаться в числе могущественных, как это было в эпоху Персидской империи.

Произойдет ли это на самом деле, и что необходимо предпринять для наиболее успешного будущего, как сформулировать дальнейшую стратегию внешней политики – ответы на представленные вопросы будут даны в следующей главе, посвященной основным направлениям внешней политики Исламской Республики: Иран – Ближний Восток, Иран – США, Иран – Российская Федерация.

Глава 2. Анализ основных направлений внешней политики Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI вв.

2.1. Исламская Республика Иран и Ближний Восток

В последние десятилетия ислам выдвинулся в первые ряды международного политического процесса в качестве не только религии, но и идеологии. Причем настолько серьезно, что сегодня воспринимается как один из важнейших факторов мировой политики.

Ислам как цивилизация стремительно развивается. Согласно оценкам экспертов, если нынешние темпы роста мусульманского населения продолжатся, то к 2030 г. каждый третий человек в мире будет мусульманином [Muslim Population, режим доступа: <http://www.muslimpopulation.com> (дата обращения: 14.01.16)].

Исламский мир включает в себя более 120 стран, в основном охватывает территории Западной, Южной и Юго-Восточной Азии и Северной Африки.

В этом параграфе рассмотрены международные отношения между Исламской Республикой Иран, с одной стороны, и государствами-соседами в рамках региона Ближнего Востока, с другой.

Регион весьма актуален в данное время. Колоссальный рост насилия на значительных территориях в Сирии и Ираке, в Ливии и Йемене, его превращение в основу всей системы социально-политических отношений связан с фрагментацией обществ, кризисом идентичностей, актуализацией старых и появлением новых линий социальных разломов. Политическая же причина – разрушение системы Сайкс–Пико (соглашение Сайкс–Пико в 1916 г. о разделе влияния в регионе в послевоенное время).

Эта система, сложившаяся во времена колониализма, базировалась на сочетании западной модели управления с частично модернизированной, но в целом традиционной социальной структурой и многоукладной экономикой.

Это неизменно приводило к сохранению традиционных идентичностей, консервации социальных противоречий и, в конечном счете, к постепенному усугублению разделенности обществ [Наумкин В. В., режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Blizhnii-Vostok-ot-konfliktov-k-stabilnosti--18044> (дата обращения: 20.03.16)].

Межгосударственные вызовы в регионе Ближнего Востока связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, Ближний Восток сам по себе разделен по нескольким признакам: этническим и конфессиональным, на страны-экспортеры и неэкспортеры нефти, монархии и светские режимы и т.д. Взгляды государств на будущее региона нередко имеют противоположный характер, провоцируя напряженность. Во-вторых, здесь имеют место застарелые конфликты, решение которых не воспринимается как окончательное. В-третьих, потенциальное нарушение статус-кво провоцируется внутривосточными процессами, о которых говорилось выше. Ослабление государств региона само по себе создает дисбаланс в региональных отношениях и провоцирует ревизионистские политические силы [Скриба А. С., Новиков Д. П., режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Blizhnii-vostok-osnovnye-tendentcii-18113> (дата обращения: 25.04.16)].

По конфессиональному признаку существует два основных течения ислама – суннизм и шиизм (Приложение 1). Источником суннизма/ваххабизма является Саудовская Аравия, именно на этой территории родился пророк Мохаммед, на основании «сунны» которого действуют практически все члены Лиги арабских государств. «Чистота» ислама характерна для Саудовской Аравии, таким образом, в стране преследуются не только представители других религий, но также сторонники иных ответвлений и трактовок (сект) ислама. Наибольший акцент сделан на устранение прошиитских настроений в Саудовской Аравии. Это доказывает недавнее кровавое событие (2 января 2016 г.), когда власти Саудовской Аравии, где преобладает ислам суннитского толка, казнили 47 человек в

связи с причастностью к терроризму, включая видного шиитского духовного лица и политического активиста Нимра ан-Нимра, который, с точки зрения саудовских спецслужб, также был связан с террористической деятельностью [РИА-Новости, режим доступа: <http://ria.ru/world/20160103/1353597897.html> (дата обращения: 17.01.16)].

Оппонентом саудитов является Иран, 90 % населения которого исповедует ислам шиитского толка. Проживающие в Иране сунниты, самое крупное религиозное меньшинство (8 %), не защищены конституцией, поэтому имеют сравнительно мало прав и не могут избираться в парламент. Из остальных меньшинств (2 % - бахаи, мандеи, индусы, езиды, зороастрийцы, иудеи и христиане) только последние три признаны официально и защищены конституцией. Однако, согласно отчету Open Doors за 2015 г., Иран занимает 7 место в антирейтинге, посвященном преследованиям и нарушениям прав христиан из-за их вероисповедания [Open Doors, режим доступа: <https://www.opendoors.de/verfolgung/weltverfolgungsindex2015/weltverfolgungsindex2015> (дата обращения: 15.01.16)].

Каждая из сторон, будучи оплотом одной из ветвей ислама, ставит задачу экспансии своих религиозных течений, прежде всего на территории региона. Руководство страны стремится сделать Иран региональной сверхдержавой, а потом и центром всего исламского мира, несмотря на то, что они шииты и среди суннитских государств у них нет сторонников. Но Хомейни говорил, что между шиитами и суннитами нет практически никакой разницы.

Концептуальная задача превращения Ирана в доминирующее в регионе Ближнего и Среднего Востока государство нашла свое отражение во внешнеполитической стратегии современного Ирана и рассматривается в ней через призму реализации ИРИ своей исторической миссии.

Данная задача является приоритетной, хотя и претерпела определенные метаморфозы со времени своего провозглашения под влиянием внутренних и

внешних факторов в части методов и средств, используемых для ее достижения.

После краха Советского Союза руководство Ирана планировало распространить свое влияние на бывшие советские республики в Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), посредством экспорта исламской революции по иранскому типу.

Наиболее ключевыми направлениями иранской внешней политики на Ближнем Востоке называют Каспийский и Персидский бассейны. Это неслучайно, ведь на этих территориях расположены огромные залежи ресурсов.

Афганистан и Ирак граничат с Ираном с востока и запада, соответственно. После военных операций коалиционных сил под инициативой США (2001 г., 2003 г.) эти дестабилизированные государства попали под сильное влияние со стороны Тегерана. Иран проводит грамотную кампанию, результатом которой стало повышение уровня мусульман-шиитов в этих странах. В Ираке шииты превышают половину населения, располагаясь преимущественно в юго-восточной, южной и центральной областях, тогда как остальной части Ирака де-факто уже не существует (Север – Иракский Курдистан).

Тем не менее, главная задача нового правительства во главе с президентом Х. Рухани – наладить сотрудничество с региональными державами и изменить тот ужасный образ Ирана, что сложился в глазах всех государств мира при президенте М. Ахмадинежаде.

Однако, согласно Конституции ИРИ, президент ограничен в своих правах, так военные действия в Сирии, куда вовлечена иранская армия и КСИР, ведутся руками Али Хаменеи. После того, как к власти в Иране пришли шииты (1979 г.), между государствами возникли добрые отношения, т.к. суннитской Сирией управляет династия алавитов (близки к шиитам) аль-Асадов. Следовательно, гражданская война (с 2011 г. – наст.вр.), в ходе

которой преследуются цель по свержению режима Башара аль-Асада, не могла не оставить иранское руководство в стороне.

В рамках региона Иран удачно распространил свою идеологию на другие страны. Хаменеи имеет возможность в любой момент дестабилизировать социум в Ираке, Ливане, Бахрейне, Азербайджане, а также в Афганистане, Турции и Йемене.

Военные действия в Йемене с 2014 г. были связаны с желанием повстанцев-хуситов (близки к шиитам) свергнуть легитимного президента Абд-Раббу Мансур Хади. Шиитские секты («Ансар Аллах») получают скрытую военную и финансовую помощь от Ирана, Хезболлы, Сирии.

С марта 2015 г. участие в войне на стороне правительственных войск Йемена принимают коалиционные силы Лиги арабских государств во главе с Саудовской Аравией.

Таким образом, это очередной случай противостояния двух претендентов на роль лидера на Ближнем Востоке. Говоря о региональном господстве, стоит выделить три основных кандидата – Иран, Саудовская Аравия и Турция.

Развитие событий на региональном уровне, напротив, бросало один вызов за другим. Одним таким вызовом стало очередное резкое обострение в начале 2016 г. отношений между двумя ключевыми региональными игроками в Сирии – Саудовской Аравией и Ираном. Оно захлопнуло «окно возможностей», открывшееся в 2015 г. в результате заключения иранской ядерной сделки и определенной легитимизации региональной роли Ирана (особенно в Ираке), с одной стороны, и смены поколений в руководстве Саудовской Аравии, с другой. Новое саудовско-иранское обострение усилило суннитско-шиитские противоречия в регионе, которые в целом представляют более серьезную проблему с точки зрения переговоров и поиска политического решения в Сирии, чем трения между Россией и Западом или даже кризис в российско-турецких отношениях. Тем не менее, для России новый саудовско-иранский кризис сохранил и открыл

определенные дипломатические возможности, так как и саудитам, и катарцам все равно проще обсуждать сирийскую проблему с Россией, чем с Ираном [Степанова Е. А., 2016, режим доступа: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201602_Stepanova (дата обращения: 16.02.16)].

Саудовская Аравия воспринимает Исламскую Республику Иран как главную угрозу – это понятно и даже легитимно, но способы, которые она использует, ошибочны и контрпродуктивны. Три основных опоры саудовской власти – ислам, нефть и патронат США – существенно ослабли в последние годы, и страна нуждается в смене приоритетов и политической стратегии. Эпоха дипломатии с чековой книжкой закончилась, Эр-Рияду придется больше инвестировать в традиционную дипломатию, учитывая, что чеки уменьшаются, а их эффективность снижается. Провал многочисленных саудовских дипломатических инициатив усугубляется неэффективной политикой в отношении Тегерана. Это привело к расширению сферы иранских интересов и заложило фундамент для неоспоримого господства Тегерана в регионе Персидского залива. Иными словами, Аль-Сауды, сами того не ведая, поспособствовали доминированию Ирана на Ближнем Востоке [Кумарасвами П. Р., Россия в глобальной политике, 2016, №2, с. 230].

Сейчас же, в 2016 году, этот регион не только не утратил своего значения, но и приобрел. Связано это в первую очередь с техническим прогрессом отдельных стран Ближнего Востока, явный тому пример – Исламская Республика Иран.

Иран является отличным примером того, что технократы у власти – это существенный плюс. Правительство Ирана вкладывает огромные инвестиции в научную деятельность, что позволило Ирану стать ведущей державой исламского мира в отрасли науки (особенно, нанотехнологии), а также обойти все европейские страны, кроме Германии (Приложение 4).

К идее о развитии иранской ядерной программы Саудовская Аравия отнеслась категорично, несмотря на нахождение под ядерным зонтиком

США. Также как аль-сауды, Тель-Авив, обладатель статуса ядерной державы, весьма обеспокоен наличием угрозы в регионе со стороны исторического врага в лице Ирана. Обе страны ссылаются на нарушения режима безопасности, баланса сил в регионе, договора о нераспространении ядерного оружия и т.д.

Можно предположить, что появление ядерного оружия у Тегерана усилит желание Эр-Рияда создать собственную программу, технологии для которой можно закупить в Пакистане, где, кстати, в 1974 г. Саудовская Аравия финансировала ядерные исследования Пакистана, еще до руководства программой «отцом пакистанской ядерной бомбы» Абдул Кадыр Ханом.

Так, после того, как М. Ахмадинежад (в 2005 г.) объявил о развитии ядерной программы ИРИ, это вскоре нашло отголосок. Принятое 11 декабря 2006 года шестью членами Совета сотрудничества в Персидском заливе решение о запуске совместного проекта по развитию ядерной энергетики является самым ясным сигналом того, что ядерные программы Ирана, независимо от того, нацелены они на создание атомной бомбы или нет, могут ускорить распространение оружия массового поражения на всем Ближнем Востоке [Тисдолл С., 2006, режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20061212/231614.html> (дата обращения: 11.02.16)].

Страны Персидского залива – Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар и ОАЭ – ясно дали понять, что, как и Иран, они нуждаются в ядерном ноу-хау исключительно в «мирных целях». Идея арабской бомбы появляется не впервые. Ранее Египет, Алжир, Марокко и Саудовская Аравия уже заявляли о намерении развивать ядерную энергетику.

В отношении Израиля Иран всегда выступал против легитимности его образования в регионе, против нарушения суверенитета и территориальной целостности Палестины. Поэтому Иран, даже не стесняясь реакции мирового сообщества, часто напрямую поддерживал национал-освободительные движения Палестины, такие как НПА, а также ХАМАС, первая

экстремистская организация, пришедшая к власти в Газе путем демократических выборов.

В Ливане, с чьей южной территорией граничит Израиль, существует группировка Хезболла, которая является филиалом иранской организации. Иран, следовательно, хорошо спонсирует своего союзника, который преследует те же цели – свергнуть и уничтожить сионистский режим на Ближнем Востоке.

Израиль состоит в ядерном клубе. Поэтому появление ядерного вооружения у соседа по региону – Ирана нарушит имеющийся баланс сил, по мнению Тель-Авива.

Также Израиль обеспокоен тем, что к власти (президент) в Иране в любой момент может прийти ультраконсервативный лидер. Это было неожиданно в 2005 году, например, когда на пост президента был избран радикал-традиционалист Махмуд Ахмадинежад, несмотря на то, что мировая элита ожидала умеренного тяжеловеса Хашеми Рафсанджани. Потому правление столь негативного лидера угрожало Израилю. Его риторика в адрес Тель-Авива была резкой и агрессивной, вплоть до уничтожения евреев во всем мире.

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху заявил, что подписание соглашения по ядерной программе ИРИ в Вене (2015 г.) является ошеломляющей исторической ошибкой. По его словам, соглашение позволяет Ирану продолжать свою агрессивную политику в регионе.

Другой важный субъект внешней политики Ирана представлен в лице королевства Саудовской Аравии. Это вечное противостояние, борьба двух ветвей ислама – суннизма (Саудовская Аравия) и шиизма (Иран). Единственный момент, пожалуй, где страны имеют общий интерес – Палестино-Израильский конфликт – они поддерживают Палестину, даже участвовали в открытом вооруженном противостоянии с Израилем в составе Лиги арабских государств (Саудовская Аравия).

Саудиты недовольны возможной переориентацией Запада на Иран. Эр-Рияд даже согласился на ограничительные меры в нефтедобыче в случае подтверждения их всеми членами ОПЕК, о чем уже договорились Венесуэла, Россия, Катар. Это могло бы привести к росту цен на нефть, что, вероятно, «ударило» бы по интересам Соединенных Штатов. Однако Иран в этом отношении также не желает сотрудничать с суннитским оппонентом, к тому же после столь ожидаемого выхода на мировой рынок экспорта, напротив наращивая объемы добычи.

С запада Иран граничит с Ираком. Между странами существовала напряженность, вылившаяся в войну в 1980-1988 годах. После свержения Западом иракского лидера Саддама Хусейна, ирано-иракские отношения претерпели некоторые изменения. Эти государства предпринимают шаги для решения проблем, препятствующих их сближению. Одной из этих проблем является вопрос о военнопленных. В январе 2002 года Иран освободил около 700 иракских военнопленных, а ранее Багдад открыл свою границу для иранских паломников, которые хотят посетить священные для шиитов места в Ираке [Маначинский А. Я., 2015, с. 264].

Проблема пленных не решена, стороны спорят о том, сколько военнопленных удерживает у себя каждая сторона. Багдад, в частности, заявляет, что около 29 тысяч иракцев находятся в плену в Иране, а еще 60 тысяч пропали без вести. По словам иранского руководства, это не соответствует действительности.

Иран в свою очередь обвиняет Ирак в том, что он удерживает около трех тысяч иранских солдат. Багдад утверждает, что на территории страны иранских военнопленных вообще не осталось.

Кроме того, Иран обвиняет Ирак в поддержке действующей в Иране оппозиционной Народной организации моджахедов. В свою очередь Ирак утверждает, что Иран поддерживает иракских диссидентов из числа мусульман-шиитов [Маначинский А. Я., 2015, с. 264].

С востока Иран граничит с Афганистаном, на юго-востоке – с Пакистаном. В Афганистане сложилась особая обстановка еще с конца прошлого века. В 2001 году после знаменитых терактов международная коалиция в составе НАТО ввела свои войска на территорию Афганистана. Военные базы и часть контингента до сих пор там располагаются.

На севере Иран граничит с Азербайджаном и Туркменистаном. Этими странами разрабатывается Трансадриатический поток, который будет поставлять газ в европейскую часть континента. Таким образом, страны в случае успеха проекта будут зависимы друг от друга и, соответственно, от партнерства с Европой. Последняя впоследствии сможет использовать политический инструмент в своих целях.

Иран озабочен дестабилизацией ситуации в регионе, присутствием американских войск в соседних странах. Он опасается, что ему не на кого будет рассчитывать в критической ситуации, так как он находится в окружении проамерикански настроенных стран либо государств, на территории которых расположены американские войска или базы. Все это обуславливает стремление Тегерана к наращиванию военного потенциала, что на практике означает озабоченность ИРИ приобретением своеобразного фактора сдерживания потенциального агрессора в условиях отсутствия явных и надежных союзников в регионе.

Следовательно, Иран старается не отпускать и поощрять наиболее близких региональных союзников, которые доминируют в трех арабских столицах – Дамаске, Багдаде и Санае – и крайне влиятельны в четвертой, Бейруте. Сотни, если не тысячи его агентов и солдат воюют в Сирии за режим Асада. Имеются послушные Тегерану отряды партизан, легкой пехоты и террористов, объединенных в организацию «Хезболла», действующую на территории Ливана. Однако такая интенсивная деятельность чревата перенапряжением сил. Иран уже понес ощутимые потери на поле боя среди офицерского корпуса элитного подразделения «Кудс», неотъемлемой части Стражей революции. Если Тегеран будет отправлять еще больше бойцов в

Сирию, потери вырастут. Тем временем Ирану приходится нести расходы на поддержание множества ополчений и террористических организаций, которые он субсидирует. Империализм может быть большим соблазном, но такая политика требует серьезных финансовых вливаний [Коэн Э., Такей Р., Эдельман Э., Россия в глобальной политике, 2016, №2, с. 240].

Предполагаемому успеху в Сирии сулило активное вмешательство ВКС России, потому участие Ирана в сирийской кампании не должно было быть болезненным. К тому же это огромный шанс укрепиться в регионе в качестве лидера, испытать новые военные технологии, показать миру свою антитеррористическую сущность, ускорить снятие санкций в случае успешного завершения кампании.

Также это послужит укреплению отношений Ирана с Сирией и Ираком, территория которого тоже охвачена исламистскими группировками.

В феврале-марте руководство России объявило о частичном выводе войск из Сирии. Возможно, это не столько или не только для оказания давления на Башара аль-Асада в переговорном процессе. Вполне вероятно, это может быть связано с предоставлением возможности правительственным войскам САР и, особенно, Ирану завершить военную операцию своими силами, которая уже во многом обречена на успех.

Во-первых, предоставление этой возможности приведет к повышению уважения и авторитета Исламской Республики на международной арене. Во-вторых, укрепит положение Тегерана в качестве регионального лидера, при этом обладающего влиятельным союзником за Каспийским морем. В-третьих, это улучшит отношения между Ираном и Россией, в результате чего предполагаемая ориентация Ирана на Запад может быть упразднена. Ведь Тегеран является потенциальным соперником России в Европе в качестве крупнейшего поставщика природного газа. Все это делает Иран очень важным государством в регионе. Поэтому альянс Ирана и России может привести к кооперации стран в разделе рынка сырья, а также к возможному созданию «газового ОПЕК».

В Исламской Республике Иран 21 августа 2010 г. произошло долгожданное событие – состоялся физический пуск энергоблока первой иранской атомной электростанции в Бушере. Тем самым завершился первый этап развертывания в Иране программы мирного атома [Маначинский А. Я., 2015, с. 306].

Вообще, это первый источник энергии такого рода на Ближнем Востоке. Судя по всему, Тегеран озабочен грядущим истощением своих нефтяных запасов в долгосрочной перспективе и хочет обеспечить себя атомной энергетикой, чтобы гарантировать промышленное развитие в рамках стран третьего мира. Для достижения этой цели Стражи революции учредили специальные группы, занимающиеся научными и техническими разработками в закрытых городах, как это делалось в СССР. Ученые, входящие в эти группы, занимаются также и техническими проблемами, в частности, связанными с обычными вооружениями. Иран открыл для наблюдателей МАГАТЭ все центры, связанные с атомной энергетикой, но отказывается допускать их в исследовательские центры, где разрабатывается неядерное оружие.

Испытания баллистических ракет весной 2016 г. вызвало озабоченность и опасения со стороны региональных противников Ирана – Израиля и Саудовской Аравии. В результате правительством США были введены односторонние санкции на иранскую программу баллистических ракет.

После инцидента с Су-24 и последующей демонизации Турции некоторые региональные и мировые державы прекратили сотрудничество с последней. Однако Анкара пытается наладить отношения с Тель-Авивом, выстраивая отношения с Израилем в противовес Ирану и, тем не менее, сохраняя лицо в мусульманском мире.

Ближневосточный регион уже давно ассоциируется развитым мировым сообществом как Средневековье, влекущее за собой серьезную угрозу цивилизованному миру (Западному миру). Однако исламский мир считает

иначе. В конечном итоге, нынешний курс внешней политики ИРИ может быть успешен в получении господствующего положения в регионе, в случае невмешательства мощных внерегиональных акторов, таких как США, во внутреннюю политику Ирана с целью дестабилизации и свержения правящего режима. Таким образом, Иран может обезопасить себя от возможной угрозы, заручившись тесным союзом с Россией.

2.2. Исламская Республика Иран и США

Начиная с 1960-1970 гг., регион Западной Азии начал обретать мировую значимость и стратегическую заинтересованность в управлении им ведущих внешних акторов.

Отношения между США и Ираном (Персией) были миролюбивыми. В эпоху правления шаха Резы Пехлеви (1953-1979 гг.) США владели марионеточным союзным государством в лице Ирана на Ближнем и Среднем Востоке.

Иран формировал свою внешнеполитическую линию с оглядкой на атлантического друга. В целом, обе стороны получали определенную выгоду от такого сотрудничества. США получали доступ в малоизвестный регион, пользуясь территорией Ирана и его военной поддержкой, а Иран – американскую помощь в виде инвестиций и технологий, формирование развитого капиталистического государства.

Однако факт тотального ущемления иранского суверенитета не мог не выразиться в народных недовольствах, особенно со стороны консервативного духовенства. Тем самым, исламские фундаменталисты Ирана использовали «зависимый, проамериканский курс» династии Пехлеви для расшатывания в народных массах патриотических и националистических воззрений. Эта деятельность со стороны шиитского духовенства была успешной, что в конечном итоге привело к полномасштабной Исламской революции в 1978-1979 гг.

Как итог – шах Реза Пехлеви в изгнании; ликвидация монархической системы в Иране в пользу республиканской; исламские фундаменталисты у власти; нелояльные новому режиму подлежали преследованию или изгнанию; введение новой Конституции от 3.12.1979 года, в которой было указано новое официальное наименование государства – Исламская Республика Иран; захват революционерами американского посольства в Тегеране – разрыв дипломатических отношений с США.

Главным идейным вдохновителем и организатором революции был духовник Рухолла Хомейни, который впоследствии занял нововведенный пост Высшего руководителя Исламской Республики Иран. Рухолла Хомейни обвинял Соединенные Штаты в незаконной экспансии своего влияния, в противовес этому рабхар провозгласил политику экспансии исламской революции в регионе.

Тем не менее, несмотря на разрыв дипломатических отношений, отдельные чиновники администрации Рональда Рейгана втайне продавали оружие Ирану во время ирано-иракской войны (1980-1988 гг.), а на вырученные средства от продажи оружия финансировали никарагуанских повстанцев – Контрас, антикоммунистическую организацию в Никарагуа. Эти действия были нарушениями оружейного эмбарго и запрета Конгресса США на финансирование повстанцев, соответственно. Этот политический скандал в США второй половины 80-х известен как «Ирангейт» [Пурмохаммад М., 2015, режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20150910/230192099.html#comments> (дата обращения: 15.02.16)].

Определенные доказательства сотрудничества США и Ирана представлены Е. Примаковым. Согласно данным Примакова, «30 августа 1985 года в Иран было доставлено 100 противотанковых ракет BGM-71 TOW (в обмен на это был освобожден один из американских заложников в Ливане), 14 сентября 1985 года – ещё 408 ракет TOW. В дальнейшем, в Иран были переданы запчасти к зенитным ракетам «MIM-23 Hawk». 18 и 28

февраля 1986 года из города Эйлат (Израиль) в Иран были переправлены ещё 400 ракет TOW» [Примаков Е. М., 2012, с. 374].

Израиль выступил в роли посредника при поставках американского оружия в Иран. В мае 1985 года был спланирован механизм поставок между премьер-министром Израиля Ш. Пересом, генеральным директором МИД Израиля Д. Кимхи, торговцами оружием А. Швиммером и Я. Нимроди, с одной стороны, и консультантами Совета национальной безопасности США Майклом Ледином и Оливером Нортон, с другой [Примаков Е. М., 2012, с. 374-376].

После смерти аятоллы Хомейни в 1989 году Совет Экспертов выбрал в качестве Высшего руководителя ИРИ аятоллу Али Хаменеи, действующего на тот момент президента. Он был чуть менее консервативен, чем предыдущий правитель.

В 1989 году первым президентом Ирана в период правления Хаменеи стал Али Акбар Хашеми Рафсанджани, умеренный прагматик и второй по популярности человек в Иране после умершего аятоллы Хомейни.

Отношения с США были на пике безуспешности. Но с приходом Рафсанджани к власти тяга обеих сторон к улучшению отношений стала усиливаться. Он прекрасно понимал, что без Америки диалога с Западом не получится. Но, как опытный политик, он понимал и другое: в Иране еще сильны антиамериканские настроения, поэтому с ними необходимо считаться, пусть до поры до времени.

Хотя его и критиковали за проамериканский курс, он, тем не менее, настойчиво проводил мысль о необходимости восстановления ирано-американских отношений. Рафсанджани не скрывал своей заинтересованности в сближении с США и всячески давал понять американцам, что он именно тот человек в Иране, с которым можно иметь дело [Капитонов К. А., режим доступа: <http://www.peoples.ru/state/king/iran/rafsandjani> (дата обращения: 18.02.16)].

Период политики США в отношении Ирана в 1991-1993 гг. назван рядом иранских историков «слепой антииранской политикой» [Юртаев В. И., 2015, с. 40]. Этот период пришелся на годы правления Джорджа Буша и первый срок Хашеми Рафсанджани, президентов США и ИРИ, соответственно. Он характеризовался усилиями Соединенных Штатов по сохранению международной изоляции Ирана. Для этого американская дипломатия использовала тезис об угрозе исламского фундаментализма, исходящего от Ирана и распространяло слухи о стремлении Ирана овладеть регионом Центральной Азии.

Политику США в течение второго срока Хашеми Рафсанджани на посту президента ИРИ (1993-1997) характеризуют как политику «стабильного и регулярного обуздания Ирана». В эти годы Уильям Клинтон стал президентом США, при нем Вашингтон начал реализовывать новую антииранскую политику, которая получила в 1996 г. законодательное обоснование после принятия в США «Закона Д'Амато» (в том числе, налагавшего запрет на иностранные инвестиции в иранскую нефтегазовую отрасль) [Юртаев В. И., 2015, с. 40].

На президентских выборах 1997 года победу одержал прагматик Мохаммад Хатами, придерживающийся явной реформистско-либеральной программе. При Хатами иранская риторика по отношению к США изменилась в положительную сторону. Таким образом, в США и в Иране возникла борьба внутривластных интересов, которая в прочем была и раньше, но при вступлении на пост Хатами достигла своего апогея. Диллема заключалась в следующем: «одни представители американского истеблишмента считают, что исламский Иран надо задавить санкциями и блокадой, другие полагают, что после ряда внушительных побед «умеренных исламистов», которых на иранской внутривластной сцене возглавляет президент Мохаммад Хатами, у Штатов есть шанс «приручить» непокорных шиитов» [Сажин В. И., 2002, режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=143> (дата обращения: 25.02.16)].

Политика США на период первого срока Мохаммада Хатами ознаменована «обузданием взволнованности» [Юртаев В. И., 2015, с. 40-41]. США перешли, по мнению иранских ученых, к политике «улыбки с угрозой» и продолжили практику экономических санкций против Ирана [Мешкини Г. Н., Аму-Дарья, 2000, №5, с. 86-88]. Основой политики США во второй половине 1990-х гг. стало недопущение участия Ирана в развитии нефтяных и газовых ресурсов соседних стран и в сооружении нефтетрубопроводов в республиках Центральной Азии [Рахмани Б. М., Аму-Дарья, 2000, №4, с. 58].

Как известно, М. Хатами очень внимательно относился к налаживанию отношений с США. В одном из своих первых интервью телекомпании CNN в январе 1998 г. он заявил, что «ничего не мешает развитию связей и укреплению взаимопонимания между иранской и американской нациями» [Григорьян Г. В., режим доступа: <http://rusinarm.com/9> (дата обращения: 10.05.16)]. Попытки установить контакты с Тегераном предпринимали и американцы, однако только в 1998 г. стало возможным говорить о некотором сближении сторон. Но эти отношения встречали еще очень жесткую оппозицию, как в самом Иране, так и в США [Юртаев В. И., 2015, с. 41].

Отношения между руководителями ИРИ и США оставались достаточно напряженными. Продолжался американский бойкот ИРИ, хотя сторонники восстановления торгово-экономических связей с Ираном располагали в Конгрессе США мощной лоббистской группой, которой удалось от Конгресса и Правительства смягчения позиции по торговле с Ираном через третьи страны [Кулагина Л. М., Ахмедов В. М., 2001, с. 151-152]. В Тегеране, со своей стороны, также не скрывали интереса к привлечению американских инвестиций. Зимой 2000-го года состоялась серия закрытых ирано-американских переговоров, результатом которых стало «размывание» режима санкций [Кожанов Н. А., 2011, с. 75].

Сменивший Б. Клинтона на посту президента США Джордж Буш-младший первоначально декларировал значимость развития политического диалога с Ираном, поскольку после трагических событий 11 сентября 2001 г.

в США у американского руководства возникло ощущение взаимного сближения через двусторонние контакты по контртеррористической и антинаркотической проблематике [Кожанов Н. А., 2011, с. 75].

После трагических событий в США 11 сентября, когда иранские власти осудили терроризм, многие аналитики посчитали, что появился шанс для восстановления разорванных почти четверть века назад, ирано-американских отношений. Хасан Рухани, занимавший в то время пост председателя Высшего совета национальной безопасности ИРИ, отметил, что тогда сложились благоприятные условия для установления связей между двумя странами. Во всех слоях иранского общества с осуждением отнеслись к террористическим актам, лидеры Ирана выразили свои соболезнования американскому народу и призвали к антитеррористической борьбе в рамках ООН. Однако тон последовавших заявлений представителей американской администрации в адрес Ирана оказался настолько резким, намекавшим на отсутствие каких-либо надежд на возрождение отношений между странами [Сажин В. И., 2002, режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=143> (дата обращения: 25.02.16)].

Шансы на улучшение двусторонних отношений свелись к нулю особенно после того, как в феврале 2002 года президент США Джордж Буш-младший причислил Иран к «оси зла» вместе с Ираком и Северной Кореей [Сажин В. И., 2002, режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=143> (дата обращения: 25.02.16)].

Министр иностранных дел ИРИ Камаль Харрази, выступая в октябре 2002 г. перед иностранными корреспондентами в Тегеране, заявил, что, по его мнению, президент США Джордж Буш, который в феврале, причислил Иран к «оси зла», сменил тон своих заявлений в отношении Исламской Республики. Как отметил иранский министр, с февраля политическая ситуация в мире стала другой. По мнению Харрази, складывается впечатление, что в Америке осознали тот факт, что Иран в корне отличается от Ирака, и именно поэтому тон заявлений американцев со всей

очевидностью изменился. Камаль Харрази сказал: «Мы приветствуем подобные изменения. Они свидетельствует о том, что европейцы и представители других стран своими советами оказали американцам весьма полезную помощь в деле пересмотра позиций США в отношении Ирана» [Сажин В. И., 2002, режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=143> (дата обращения: 25.02.16)].

Политическая система ИРИ обусловлена демократическими выборами в любые органы власти, такие как президент, парламент (меджлис), Совет Экспертов (орган, выбирающий из своего числа Высшего руководителя). И потому мировое сообщество было крайне удивлено тем, что в результате президентских выборов 2005-го года к исполнительной власти Ирана пришел радикал и ультраконсерватор Махмуд Ахмадинежад. Он являлся абсолютной противоположностью Мохаммада Хатами, следовательно, провозгласил антиамериканский курс внешней политики. Новый президент был четко убежден в том, что все проблемы связаны с США и Израилем. По отношению к последнему Ахмадинежад проявлял особую неприязнь, нередко высказывался о намерении и необходимости «стереть это клеймо позора (Израиль) с исламского мира». Заявление Ахмадинежада выглядит возвратом к традициям 80-х гг., когда подобная риторика не считалась неприемлемой даже из уст лидеров государств. Такие высказывания имама Хомейни воспринимались как нечто абсолютно рутинное, не вызывающее единодушного осуждения крупнейших государств мира. Такого осуждения не вызвал даже захват в заложники американских дипломатов в Тегеране в 1979 году [Макаркин А. В., 2005, режим доступа: <http://politcom.ru/1573.html> (дата обращения: 10.03.16)].

Тогда же, в начале правления, Ахмадинежад объявил о развитии ядерной программы ИРИ. После чего последовал ряд резолюций, инициированных американской стороной, о введении новых и усилении старых санкций в отношении Ирана.

Путь, который определил в 2005 г. рахбар ИРИ А. Хаменеи и который был призван реализовать президент ИРИ М. Ахмадинежад, нацелен на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции и сотрудничества под эгидой ИРИ. При этом в своем стремлении к независимости Иран, в конечном счете, решал задачу сохранения своей цивилизационной идентичности. При президенте М. Ахмадинежаде Иран попытался войти в мировую политику через «атомный портал» – использование формата «атомной дипломатии» стало отличительной чертой его внешней политики и определило динамику глобального и регионального измерений во внешней политике ИРИ [Юртаев В. И., 2015, с. 44-45].

Махмуд Ахмадинежад занимал пост президента два срока подряд. Таким образом, 2005-2013 гг. ознаменованы резким ухудшением отношений Ирана с мировыми державами. Изначально был взят курс на протекционизм и в определенном смысле изоляционизм, основываясь на подобном «успешном» сценарии Северной Кореи.

В 2007 году США, в лице госсекретаря Кондолизы Райс и министра обороны Роберта Гейтса провели встречу в Каире по формуле «GCC + 2» с Советом сотрудничества стран Персидского Залива: Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Оман + Египет и Иордания, с целью формирования стратегического и всеохватывающего фронта против Ирана, Сирии, и их региональных союзников. Эта «коалиция сдерживания», созданная Вашингтоном и подкрепленная блоком НАТО, также включает в себя Израиль и Турцию в качестве важных и ключевых участников [Nazemroaya M. D., 2012, режим доступа: <http://www.voltairenet.org/The-US-Iranian-cold-war> (дата обращения: 21.03.16)].

Администрация президента США Барака Обамы в 2011 году развернула вашингтонскую «коалицию сдерживания» против Блока Соппротивления, который объединил все страны и силы в своей оппозиции против гегемонии США и Израиля на Ближнем Востоке и в Северной Африке (Middle East-North Africa – регион MENA). Два лагеря, которые

становятся все более заметными в регионе MENA, все глубже опускаются в русло, очерченное и запланированное Вашингтоном, Тель-Авивом и НАТО после поражения Израиля в Ливанской войне в 2006 году, в качестве средства борьбы с Ираном и его союзниками [Nazemroaya M. D., 2012, режим доступа: <http://www.voltairenet.org/The-US-Iranian-cold-war> (дата обращения: 21.03.16)].

Спустя восемь лет страдальческой изоляции, иранская общественность, очевидно устав от удушения санкций и радикальных и глупых заявлений Ахмадинежада, кстати говоря, не принадлежащему к шиитскому духовенству, выразила свое желание к осуществлению перемен, избрав в 2013 году президентом ИРИ Хасана Рухани. Новый президент продвигает грамотный курс на устранение противоречий между Ираном и мировыми державами, закрытие вопроса о ядерном досье, следовательно, снятие санкций с Исламской Республики.

В иранском народе Хасан Рухани получил прозвище «шейх-дипломат» или «шейх надежды», ссылаясь на то, что новый президент сможет решить проблему открытости страны и снятия санкций, найдя выход из тупика «атомной дипломатии».

Такой выход президент ИРИ нашел в июне 2015 года. После 17-дневных переговоров Ирана и группы «5+1» (США, Франция, Великобритания, Китай, Россия и Германия) было достигнуто соглашение о ядерном досье, предусматривающее сворачивание программы и последующее снятие санкций. Мирный атом.

Тем самым, Хасан Рухани выполнил ключевой пункт своей предвыборной кампании. По логике это должно привести к снятию санкции, приход капитала в страну, и, следовательно, улучшению благосостояния экономики и уровня жизни населения.

Стоит отметить, что противников заключенного соглашения было довольно много и в самих Соединенных Штатах. Прежде всего, это Республиканская Партия, которая желала подавить право вето президента,

демократа, своим численным большинством в Палате, чтобы ввести санкции вновь.

Тем самым можно сказать, что отношения между Ираном и США особо не улучшились после завершения многолетней эпопеи с «нелегальной» ядерной программой.

Дипломатические отношения, разорванные в 1979 году посредством захвата посольства США в заложники, не были восстановлены.

Согласно Э. Фромму, Иран можно сравнить со средневековым государством, которое было лишено понятия индивидуализма. Однако, как отмечает Фромм, любая новизна имеет зарождения внутри старой системы, что можно сказать о появлении более широкой демократии в Иране [Фромм Э., 2015, с. 41-50]. О прогрессе в иранском обществе свидетельствуют следующие факты:

1. Приход к власти не просто терпимого к Западу, но и готового к разрыву железных оков путем примирения и сотрудничества, умеренного реформиста Хассана Рухани;

2. Последние парламентские выборы (весна 2016 г.) показали, что в меджлис Тегерана были избраны 20 женщин, что раньше казалось невозможным; частичная эмансипация иранских женщин;

3. Реформисты получили больше мест в меджлисе, по сравнению с прошлыми выборами, что указывает на растущую поддержку представителей нового курса со стороны населения, в основном молодежи;

4. Умеренные заняли хорошие места в Совете экспертов, первое место занял Хашеми Рафсанджани, умеренный тяжеловес и бывший президент Ирана, третье место занял действующий президент Хасан Рухани.

Таким образом, можно предположить, что в Иране, посредством модернизации и процессов глобализации, грядет смена мышления и общего курса.

В целом, текущий период в отношениях между Ираном и США знаменуется как временное потепление. По крайней мере, западная сторона

(США) должна следовать договоренностям до истечения срока полномочий администрации президента Барака Обамы. Финальная часть выборов нового президента США пройдут в ноябре 2016 г.

Перемирие временное потому, что существует парадигмальная разница между странами и до тех пор, пока она не будет разрешена, вряд ли возможен полноценный мирный процесс.

«По мнению представителей преמודерна (Иран), либеральная демократия (США) является самым настоящим злом. В преמודерне (традиционализм, теократия) правят сверху-вниз (иерархия), правят умные, знающие и мужественные. А в модерне (демократия) нет иерархии, все равны, может править абсолютно любой – правление подлых, тупых, бессмысленных. Так считали Платон и Аристотель, чьи умы принадлежали к парадигме преמודерна, традиционному обществу. В древнем обществе мыслители уже тогда знали об этих идеях, об идеях следующей эпохи (идеи свободы и демократии), но они умышленно огораживали от них обывателей, ставя приоритетом другие ценности и нормы традиционного мироздания (религия). В свою очередь, усилиями И. Канта и Ф. Ницше в развитых странах Запада преמודерн перешел в эпоху модерна и модернизации модерна, что в конечном итоге привело к становлению и развитию постмодерна в этих странах» [Дугин А. Г., 2014, режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=PWqZawzMvOI> (дата обращения: 27.04.16)].

Таким образом, ссылаясь на увеличивающийся пробел парадигмальной разности между Ираном и США, можно объяснить конфликтогенность, возникшую между государствами. На данном этапе американо-иранские отношения вступили в фазу временного потепления. Стратегия внешней политики США будет корректироваться в зависимости от меняющегося положения и роли Ирана на Ближнем Востоке, а также от влияния российской стороны на внешнюю политику Исламской Республики. Именно об отношениях Ирана и России будет идти речь следующем параграфе.

2.3. Исламская Республика Иран и Российская Федерация

Политико-экономические и торговые связи России с Ираном (Персией) насчитывают более пяти веков. За столь долгий период отношения претерпевали ряд изменений, включали в себя как взлеты, так и падения. Однако эти страны четко убеждены в необходимости открыть новую главу в истории их взаимоотношений, основанных на принципах добрососедства и уважения [Санаи М., 2015, с. 6].

Наше исследование ограничено тем, что потребуются рассматривать связи между государствами только в условиях постбиполярной системы международных отношений, то есть имеются четкие временные рамки – с 1991 года по настоящее время.

В действующей системе региональных и международных отношений страны имеют целый спектр общих вопросов и вызовов, плодотворное решение которых является единой целью. В первую очередь предметом обсуждения являются такие вопросы, как события на Кавказе и в Центральной Азии, статус Каспийского моря, энергетика, ситуация в Афганистане, борьба с наркоторговлей, противодействие терроризму и экстремизму, предотвращение расширения НАТО на Восток, а также ситуация на Ближнем Востоке, включая современный военный конфликт на территории Сирии и Ирака и ядерное разоружение.

Стоит отметить, что в исторической ретроспективе «в российско-иранских отношениях никогда не было ни «братской дружбы», ни взаимной ненависти и стремления решить все проблемы одним махом» [Юртаев В. И., 2015, с. 38].

В 1989 г. советские войска покинули территорию Афганистана, а в 1988 г. закончилась ирано-иракская война. В начале 1990-х гг. рассматривалась возможность изменения внешнеполитических установок ИРИ в пользу сотрудничества с США и Египтом, о чем свидетельствовали и

заявления бывшего президента ИРИ А.А. Хашеми-Рафсанджани [Кулагина Л.М., 2004, с. 25-26]. И в России после распада СССР (1991 г.) также шла дискуссия о новом этапе во взаимоотношениях с США [Юртаев В. И., 2015, с. 37].

После распада СССР были перечеркнуты планы развития двустороннего российско-иранского сотрудничества, намеченные по итогам визита в СССР в 1989 г. бывшего спикера иранского парламента А. А. Хашеми-Рафсанджани. Согласно подписанному тогда «Долгосрочному плану экономического, торгового и технического сотрудничества между ИРИ и СССР на период до 2000 года», предполагалось реализовать несколько десятков масштабных проектов на сумму более 10 млрд долларов. Ни один из пунктов этого плана до распада СССР так и не смогли выполнить. Более того, некоторые из успешно начатых проектов были заморожены по инициативе российской стороны. Правда, российские специалисты продолжили участие в реконструкции Исфahanского металлургического комбината, а в 1994 г. была достигнута принципиальная договоренность об участии России в завершении начатого еще при шахе строительства иранской атомной электростанции в Бушере [Дружиловский С. Б., 2015, с. 25].

В 1995 г. Россия пошла на подписание секретного российско-американского меморандума «Гор-Черномырдин», согласно которому Россия обязалась завершить выполнение всех своих контрактов с Ираном по поставкам вооружений и военной техники и оказанию услуг военного назначения до 31 декабря 1999 г. и впредь не заключать новых. В результате, потери, понесенные Россией, составили не менее 4 млрд долл. Речь идет о срыве контрактов по трем межправительственным соглашениям между Россией и Ираном от 1989, 1990 и 1991 годов, согласно которым Москва обязалась поставить Тегерану такие вооружения, как военные самолеты, подлодки, комплексы ПВО С-200 ВЭ, а также наладить лицензионное производство танков Т-72С и боевых машин пехоты БМВ-2. Тем не менее,

Иран и в эти годы стремился поддерживать дружественный характер российско-иранских отношений [Дружиловский С. Б., 2015, с. 26].

Иран отказался от экспорта исламской революции в направлении Центральной Азии и Закавказья. В частности, после вооруженного выступления на Кавказе чеченских сепаратистов руководство ИРИ однозначно заявило, что не будет вмешиваться в чеченские события и квалифицировало их как внутреннее дело России. После этого стало понятно, что свои отношения с Россией ИРИ ставит несоизмеримо выше любых возможных конъюнктурных приобретений на постсоветском пространстве [Дружиловский С. Б., 2015, с. 26].

Еще раз иранское руководство это отчетливо продемонстрировало во время урегулирования внутритаджикского кризиса во второй половине 90-х годов прошлого века, когда выступило солидарно с позицией России в вопросе умиротворения исламской оппозиции и инкорпорирования ее лидеров во властные структуры Таджикистана. Иран в целом с пониманием отнесся к осуществленной Россией акции по «принуждению к миру» Грузии во время событий в Южной Осетии в 2008 году. Выступая на 63 сессии Генеральной ассамблеи ООН 23 сентября 2008 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад заявил, что «и жизнь, и собственность, и права народов Грузии, Южной Осетии и Абхазии оказались жертвами заговоров и провокаций НАТО и некоторых стран Запада» [Дружиловский С. Б., 2015, с. 26-27].

Значительный импульс для своего развития российско-иранские отношения получили после избрания в 2000 г. президентом России В.В. Путина [Дружиловский С. Б., 2015, с. 27].

Точкой отсчета на новом этапе российско-иранских отношений стал официальный визит в РФ иранского президента М. Хатами в марте 2001 г. Во время визита руководители обоих государств, обозначив понимание единства взглядов на многие двусторонние и международные проблемы, подписали «Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между

Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран». В договоре подчеркивался дружественный характер отношений между двумя странами [Дружиловский С. Б., 2015, с. 27].

Визит президента России В. Путина в Иран состоялся в рамках саммита прикаспийских стран в 2007 г. На этой встрече В. Путин провел переговоры с высшим руководством иранского государства – рахбаром А. Хаменеи и президентом М. Ахмадинежадом. При содействии России иранская дипломатия добилась подписания выгодной для ИРИ Декларации, объявляющей Каспий «морем мира». В условиях возросшей угрозы военного нападения США и Израиля на Иран прикаспийские страны взяли на себя обязательство не предоставлять свою территорию для агрессии третьих стран против участников соглашения, а также разрешать все возникающие на море споры путем переговоров [Дружиловский С. Б., 2015, с. 27].

Несмотря на давление, оказываемое США, российское руководство пошло на сближение со страной, которая в это время стала рассматриваться Западом как часть международной «оси зла». Россия никоим образом не могла разделять эту западную позицию. Для нее, в отличие от США, которые квалифицировали ИРИ как агрессивное, террористическое государство, Иран объективно выступал в качестве фактора стабильности и конструктивного сотрудничества на южных рубежах российских границ, вдоль которых расположены вновь образованные центральноазиатские и закавказские республики, подверженные внутренним кризисам и ставшие центром притяжения для не относящихся к этому региону государств, заинтересованных в одностороннем освоении природных и людских ресурсов этих стран и присвоении их товарных рынков [Дружиловский С. Б., 2015, с. 27-28].

В то же время вопрос о новом правовом статусе Каспийского моря уже более двадцати лет стоит в повестке дня российско-иранских отношений. Россия, осознавая, что отсутствие новой договорной базы между прикаспийскими странами по вопросу использования ресурсов Каспия может

привести к возникновению конфликтов между ними, в 1998 г. заключила соглашение с Казахстаном «О разграничении дна Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование». Тот же самый принцип был зафиксирован в двусторонних договорах между Казахстаном и Азербайджаном (2001 г.) и между Россией и Азербайджаном (2002 г.). Лишь Иран, реально контролирующий около 14% каспийского побережья, отказался вступать в какие-либо сепаратные соглашения с другими прикаспийскими странами и отстаивает позицию совместного пользования морскими ресурсами всеми пятью прикаспийскими государствами, а в случае раздела заявляет о намерении сохранить за собой не менее 20% акватории Каспия. Вплоть до принятия окончательного решения ИРИ считает, что в соответствии с международным правом в силе остаются советско-иранские договоры 1921 г. и 1940 г. о совместном использовании Каспийского моря [Дружиловский С. Б., 2015, с. 28].

Безусловно, стабильному развитию российско-иранских отношений препятствует ядерная проблема, обострившаяся в 2002 г., после того как мировое сообщество узнало о незаявленных ядерных программах Ирана. Иран объяснил, что все эти приготовления носят исключительно мирный характер и не противоречат ДНЯО, к которому Иран присоединился еще в период шахского правления. Одновременно Иран заявил о готовности поставить свои ядерные объекты под контроль МАГАТЭ. Однако впоследствии иранская сторона не раз давала повод для усиления подозрительности в отношении характера ее ядерных приготовлений. Ответственные лица Ирана порой сообщали неверные или неполные сведения о характере и масштабах проводимых ИРИ ядерных исследований, в частности, своевременно не сообщили МАГАТЭ о введении в строй нового поколения газовых центрифуг, которые значительно увеличивали возможности обогащения урановой руды. Скрывались также приготовления по созданию нового, хорошо защищенного центра по обогащению урана в Форду [Дружиловский С. Б., 2015, с. 28-29].

В ноябре 2003 г., идя навстречу пожеланиям МАГАТЭ и выполняя свои обязательства по договору с Евротройкой (Франция, Великобритания и Германия), Иран приостановил все работы, связанные с обогащением урана. Более двух лет Иран придерживался объявленного им моратория, ожидая, что западные страны выполнят свои обязательства по оказанию Ирану помощи в области освоения мирного атома и получении передовых технологий. Однако, когда стало понятно, что ни Евротройка, ни США не собираются оказывать Ирану какое-либо содействие на этом направлении, иранское руководство в лице нового президента ИРИ М. Ахмадинежада заявило о том, что возобновляет свои мирные ядерные исследования в полном объеме. После этого США и их западные союзники заговорили о необходимости передачи иранского ядерного досье в Совет Безопасности ООН. Это означало, что против Ирана могут быть применены международные санкции, которые ударят не только по самому Ирану, но и по тем странам, которые к этому времени вступили с ним во взаимовыгодные торгово-экономические отношения и вложили в эту страну значительные инвестиции. Одной из таких стран была Россия, которая решительно выступала против интернационализации иранского ядерного проекта. По этому вопросу Россия получала поддержку от таких влиятельных западных стран, как Италия, Швейцария и в определенных пределах Германия. Однако опрометчивое высказывание нового, неопытного в дипломатии президента ИРИ М. Ахмадинежада, который в октябре 2005 г. заявил, что «Израиль нужно стереть, смести с карты мира», перевесило аргументы России и ряда других стран в пользу того, что формат иранской ядерной проблемы не годится для ее обсуждения в высшем международном органе по поддержанию мира. В феврале 2006 г. по рекомендации МАГАТЭ иранское ядерное досье поступило на рассмотрение в Совет Безопасности ООН [Дружиловский С. Б., 2015, с. 29-30].

С тех пор Совбез ООН принял шесть резолюций с требованием полностью прекратить обогащение урана и реализацию тяжеловодного

проекта в ИРИ. При этом четыре из этих шести резолюций вводили санкционные меры воздействия в отношении Ирана. Последняя — резолюция №1929 была принята Советом Безопасности ООН в 2010 г. [Дружиловский С. Б., 2015, с. 30].

В результате введения международных санкций российско-иранские отношения были подвергнуты серьезным испытаниям. Был заморожен или отменен целый ряд как двусторонних, так и региональных проектов, которые, будь они реализованы, усилили бы международные позиции как Ирана, так и России. Это и перспектива полноправного участия Ирана в ШОС и ЕврАзЭС, совместная борьба с терроризмом и наркодиллерством, открытие транспортных коридоров из России через территорию Ирана и, наоборот, совместные нефтегазовые, энергетические, научно-технические и военно-технические проекты, которые до сих пор так и не вышли из стадии переговоров. Например, еще в июне 2001 г. в Москве было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере технического перевооружения иранского нефтегазового комплекса на основе российского оборудования [Дружиловский С. Б., 2015, с. 30].

Однако к реализации этого выгодного для обеих стран проекта стороны так и не приступили. В 2009 г. российская «Газпром-нефть» и Национальная иранская нефтяная компания подписали меморандум, предусматривающий разработку российской компанией нефтяных месторождений «Азар» и «Шангуле» с общими запасами два млрд баррелей. Однако в августе 2011 г. Иран лишил российскую компанию права на разработку этих месторождений из-за ее нежелания предпринимать конкретные шаги по реализации этого проекта. В 2007 г. российская «ЛУКОЙЛ» прекратила свою деятельность на месторождении «Анаран» из-за угрозы попасть под санкции американского закона Д. Амато, запрещающего иностранным компаниям вкладывать в нефтегазовый комплекс Ирана более 20 млн долл. инвестиций. В 2008 г. «Газпром» подписал соглашение о намерении участвовать в разработках крупнейшего газового месторождения ИРИ «Южный Парс», однако явно не

рассматривает его в качестве одного из своих приоритетных проектов. По сути «Газпром» просто «застолбил» свое присутствие в этом проекте, отодвинув на неопределенное будущее свое участие в его реализации [Дружиловский С. Б., 2015, с. 30-31].

Понадобилось несколько лет, чтобы иранская идея создания международного консорциума стран экспортеров газа стала наполняться хоть каким-то содержанием. В апреле 2007 г. на встрече представителей стран экспортеров газа в Катаре было одобрено решение о координации газовой политики странами экспортерами, а на московской встрече в ноябре 2008 г. Россия, Иран и Катар заявили о создании совместного предприятия по добыче газа в Иране и его сжижению в Катаре для последующей реализации на мировых рынках. Однако стоило американскому Конгрессу принять решение о судебном преследовании со стороны США любого государства, которое попытается реализовать идею создания международного газового консорциума по образцу ОПЕК, и проект «тройки» тут же был заморожен. В результате Россия продолжает «газовые войны» со своими партнерами по транзиту и потребителями российского газа, а Иран теряет потенциальные рынки для своего газового сырья, по запасам которого он занимает второе после России место в мире (16% от общемировых запасов) [Дружиловский С. Б., 2015, с. 31].

На первых порах успешным оказалось начало военно-технического сотрудничества между нашими странами. При этом у России, учитывая, в том числе, и опыт СССР, были все основания полагать, что она сможет придать этому сотрудничеству вполне легитимные и международно признанные формы, в рамках которых ИРИ не сможет серьезно усилить свои наступательные вооружения, но повысит обороноспособность, существенно пополнив при этом российскую казну. Так, в 2006 г. стороны подписали миллиардный контракт (примерно такую же сумму ИРИ обязалась выплатить России за строительство АЭС в Бушере, которое продолжалось более 15 лет) на поставку в эту страну современных систем противовоздушной обороны

типа «ТОР М-1» и «Печера -2А», а в 2008 г. был заключен договор о поставках в ИРИ зенитно-ракетных комплексов «С-300». Успешно развивалось сотрудничество в области атомной энергетики и освоения космического пространства. Показателем этого является успешное завершение строительства АЭС в Бушере и запуск с помощью России первого иранского спутника «Сина-1» на околоземную орбиту в октябре 2005 г. [Дружиловский С. Б., 2015, с. 31-32].

Однако и на эту сферу российско-иранского сотрудничества санкции наложили свой отпечаток. Так, после принятия резолюции Совета Безопасности ООН №1929 от 9 июня 2010 г. указом президента РФ Д. Медведева было аннулировано уже предоплаченное иранцами в сумме 166 млн долл. соглашение о поставках комплекса «С-300», а впоследствии заморожены многомиллионные контракты на поставки запасных частей к уже проданным ИРИ системам российских вооружений. Это нанесло значительный ущерб обороноспособности соседнего с нами государства, которое Запад рассматривает как возможный объект для нанесения военного удара. Россия, в свою очередь, получила упущенную выгоду в несколько миллиардов долларов [Дружиловский С. Б., 2015, с. 32].

Следует иметь в виду, что Иран является для России не только выгодным торгово-экономическим партнером. Наше государство вполне устраивает позиция ИРИ по ряду важнейших международных проблем, которые наша страна вряд ли сможет решить в одиночку. Речь, в частности, идет о таких вопросах, как стремление НАТО продвигаться на Восток к российским границам и размещение американской системы ПРО в Восточной Европе, необходимости урегулирования внутрорегиональных конфликтов в Закавказье и Центральной Азии, справедливом внутриафганском урегулировании, блокировании устремлений США и их западных союзников по созданию постоянных военных баз в закавказском и центральноазиатском регионах, стремлении видеть мир многополярным и

многовариантным, повышении роли ООН при решении возникающих международных проблем и т.п. [Дружиловский С. Б., 2015, с. 32-33].

Возможно, есть необходимость пересмотреть и наше отношение к региональным формам сотрудничества, в которых участвует Иран, но не участвует Россия, в том числе, к деятельности Организации экономического сотрудничества, в которую уже включены все центрально-азиатские республики и Азербайджан, и проекту воссоздания Великого шелкового пути. В обоих случаях Иран является ключевой страной, и при проявлении доброй воли он мог бы тем или иным образом содействовать реализации здесь российских интересов. Это, в частности, могло бы смягчить надвигающуюся угрозу того, что основная часть прикаспийских ресурсов в обозримой перспективе, возможно, будет транспортироваться через территории третьих стран, что идет вразрез с интересами, как России, так и Ирана [Дружиловский С. Б., 2015, с. 33].

Учитывая все это, определенный оптимизм вселяет избрание в 2013 г. нового президента Ирана Хасана Рухани, который с первых же шагов своего правления дистанцировался от многих одиозных высказываний своего предшественника М. Ахмадинежада, и заявил о готовности в течение короткого времени снять вопрос о ядерной программе Ирана с повестки дня Совета Безопасности ООН. В соответствии с женевскими договоренностями Иран пошел на минимизацию своей ядерной программы, в том числе, ограничив степень обогащения урана до 3,5% и предоставив МАГАТЭ полную возможность контроля за мирными ядерными проектами ИРИ. Со своей стороны, Россия, не дожидаясь результатов нового курса Х. Рухани, предприняла ряд дипломатических демаршей, призванных подчеркнуть заинтересованность РФ в урегулировании иранской проблемы. Так, министр иностранных дел С. Лавров заявил, что российская сторона в СБ ООН будет настаивать на том, чтобы любые уступки Ирана по ядерной проблеме сопровождались адекватным ослаблением санкционного режима. Первая встреча президентов В. Путина и Х. Рухани состоялась на полях саммита

ШОС в Бишкеке в сентябре 2013 г. Во время работы саммита ШОС В. Путин заявил, что «Иран, так же, как и любое другое государство, имеет право на мирное использование атомной энергии, включая операции по обогащению» [Дружиловский С. Б., 2015, с. 33-34].

Судя по всему, Россия возобновит поставки оборонительных вооружений в Иран. Речь, в частности, идет о зенитно-ракетном комплексе «Антей-2500», модернизированном аналоге комплекса «С-300», который Россия отказалась передать Ирану после принятия резолюции 1929 СБ ООН [Дружиловский С. Б., 2015, с. 34].

С приходом нового президента ИРИ обозначились также перспективы торгово-экономического сотрудничества между двумя странами, которое сегодня переживает не лучшие времена. Так, в 2012 г. по сравнению с предыдущим годом товарооборот между Россией и Ираном сократился на 37,9% и составил 2,33 млрд долл., причем экспорт из России в ИРИ упал на 44% (1,9 млрд долл.) [Дружиловский С. Б., 2015, с. 34].

Выступая на своей первой пресс-конференции 6 августа 2013 г., Х. Рухани заявил: «Сотрудничество между Россией и Ираном в сфере строительства новых атомных реакторов продолжится» [Дружиловский С.Б., 2015, с. 34].

В последние месяцы официальные лица двух стран серьезно прорабатывают тему развития экономического сотрудничества между Ираном и Россией. Необходимость повышения уровня сотрудничества была неоднократно констатирована лидерами наших государств, и лица, ответственные за реализацию политических курсов, заняты поиском путей планирования и претворения в жизнь этой идеи [Тишьяр М., 2015, с. 20].

В сентябре 2015 г. Российская Федерация объявила о проведении военных действий в Сирии на стороне правительственных войск Башара аль-Асада. Для униженной России это шанс вернуться на мировую арену в качестве великой державы [Kohler F., 2016, режим доступа: <http://www.stern.de/politik/ausland/russland-in-syrien--so-fuehrt-putin-krieg-im->

nahen-osten-6865662.html (дата обращения: 26.05.16)]. Руководство ИРИ также заинтересовано в сохранении сирийского режима в руках дружественного президента-алавита. Иран является ключевым союзником Сирии в регионе.

Спикер иранского парламента Али Лариджани давно выступает за улучшение отношений с Россией. Он заявил: «Наша ориентация на Восток, в первую очередь на Россию, является нашим стратегическим выбором» [Smyth G., 2016, режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/iran-blog/2016/apr/25/iran-russia-israel-tehranbureau> (дата обращения: 26.04.16)].

После подписания в июле 2015 г. ядерного соглашения Иран еще не обрел «как постоянных союзников, так и непримиримых врагов» [Smyth G., 2016, режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/iran-blog/2016/apr/25/iran-russia-israel-tehranbureau> (дата обращения: 26.04.16)].

Поэтому для Ирана Россия является стратегическим союзником по поддержке Башара аль-Асада, а также потенциальным партнером по влиянию на мировой рынок газа, обладая огромными доказанными запасами (Приложение 3). Тем не менее, у Москвы и Тегерана остаются серьезные разногласия. Прежде всего, они связаны с тесными связями России и Израиля – государством, которое Иран отказывается признавать. А также иранская сторона недовольна тем, что Россия и США совместно управляют сирийским кризисом (устанавливают рамки перемирия, следят за его соблюдением) [Ayad C., 2016, режим доступа: <http://www.lemonde.fr/les-articles-du-monde/160510.html> (дата обращения: 11.05.16)].

Bloomberg отмечает, что Китай, Россия, Иран и Венесуэла призывают отказаться от торговли нефтью за доллары США, в пользу других (национальных) валют [Gismatullin E., 2016, режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-28/putin-s-decade-old-dream-realized-as-russia-to-price-its-own-oil> (дата обращения: 30.04.16)].

Итак, Иран и Россия имеют общие интересы как на региональном, так и на глобальном уровнях. После снятия санкций в январе 2016 г. страны

заключили ряд соглашений (прежде всего, в сфере экономики и энергетики). Сегодня не существует серьезных противоречий между странами, и руководство обеих держав заинтересовано в партнерстве, поэтому в обозримой перспективе уровень сотрудничества Ирана и России может выйти на более высокий уровень.

2.4. Перспективы развития внешней политики Исламской Республики Иран в 2016-2020 гг.

Основываясь на исследованных выше аспектах внешней политики Ирана, настоящим стоит выделить и проанализировать перспективы внешнеполитического курса Исламской Республики.

При президенте Хасане Рухани (2013 – наст. вр.) линия внешней политики ИРИ еще не успела кристаллизироваться. Несмотря на тот факт, что Иран давно решил проводить независимую и самостоятельную политику, а аятолла Рухолла Хомейни при вступлении на пост Верховного руководителя в 1979 г. заявил, что Иран является уникальной фигурой, не относящейся ни к Западу, ни к Востоку, на международной арене ведутся споры о навязывании Ирану принадлежности к той или иной стороне.

Следовательно, политика изоляционизма, которой изначально хотели придерживаться пришедшие в 1979 г. к власти в Иране шиитские богословы, не может устраивать крупные мировые державы, заинтересованные в глобализации мира.

Цель данного параграфа – сформулировать наиболее вероятные сценарии развития внешней политики Исламской Республики Иран по трем направлениям (ИРИ – Ближний Восток, ИРИ – США, ИРИ – Россия).

Чтобы сформировать определенный сценарий, необходимо рассмотреть ситуацию на основе многих факторов, таких как идеологический, геополитический, экономический, личностный, религиозный и т.д.

Геополитический фактор.

Борьба за влияние на Ближнем Востоке ведется между тремя державами – Саудовская Аравия, Иран и Турция. Последняя сейчас вряд ли сможет занять лидирующее положение, т.к. имеет ряд проблем, требующих особого внимания и решения. Все сильнее разгорается противостояние с повстанцами «Рабочей партии Курдистана» на юго-востоке страны, частные теракты в крупных турецких городах, десятки тысяч беженцев и мигрантов, болезненный разрыв экономических связей с Россией, внутренний конфликт властей (премьер-министр А. Давутоглу ушел в отставку, а также покинул пост лидера Партии справедливости и развития). Поэтому на данный момент сложно говорить о Турции как возможном лидере Ближнего Востока.

Реальным соперником Ирана является лишь Саудовская Аравия, которая находится в выгодном положении (много союзников, занимает ведущее место в Лиге арабских государств, имеет тесное военное сотрудничество с Пакистаном, является основным поставщиком нефти в США, имеет американские военные базы). На данном временном этапе Саудовская Аравия выглядит сильнее Ирана, если исключить возможное владение ядерным оружием последнего.

Экономический фактор.

Иран расположен в благоприятном географическом положении. Для Ирана выгодность этого места на карте определяется тем, что государство находится в центре Ближнего Востока, где проходит ряд торговых и транзитных путей как с запада на восток (Ближний Восток – Китай), так с севера на юг (Россия – Индия), а также с Ближнего Востока в Европу. Таким образом, заполучив роль лидера, Иран будет руководить всем регионом, будет представлять регион в экономическом взаимодействии с нерегиональными государствами. Ирану выгодно быть лидером – недалеко от Европы, близко с Россией, Индией и Китаем.

Идеологический фактор.

Чтобы стать лидером, Ирану необходимо решить идеологический вопрос на Ближнем Востоке. Иран представляет меньшую ветвь ислама в

регионе – шиизм. Поэтому вопрос лидерства зависит от ухудшения положения ведущего игрока другой ветви – суннизма. На Ближнем Востоке ислам суннитского толка представлен в лице Саудовской Аравии. Лига арабских государств без сильного Эр-Рияда потеряет свою значимость. Суннитские государства будут более независимыми (слабыми) в своей политике. Поэтому разрозненный суннитский мир выгоден шиитскому Ирану.

Личностный фактор.

Внешнеполитический курс зависит от высшего руководства страны. Ираном правит аятолла Али Хаменеи, духовный лидер, в чьих руках сосредоточена абсолютная власть. Президентом является Хасан Рухани, либерал-реформатор. После того, как в 2013 г. Рухани стал президентом, отношения между Ираном и США относительно улучшились.

Власти Саудовской Аравии, заметив это потепление, стали проводить более самостоятельную региональную политику (подписали соглашение с Россией и другими странами-экспортерами о заморозке добычи нефти на уровне января 2016 г.; устроили провокационные казни активистов-шиитов). Тем не менее, Эр-Рияд все еще зависит от мнения Вашингтона. Так как США является ключевым импортером саудовской нефти. Также на территории Саудовской Аравии расположены американские военные базы. Сохранение отношений выгодно для Эр-Рияда, поскольку это обеспечивает нахождение под ядерным зонтиком США, от которого отказываться на данный момент было бы небезопасно.

Ниже представлены несколько возможных сценариев развития Ирана как на региональном, так и на глобальном уровнях. В данных моделях указаны необходимые условия, позитивные и негативные последствия, а также степень вероятности реализации определенного сценария.

1. Ирано-саудовский вооруженный конфликт.

Условия для реализации данного сценария:

- Создание региональной коалиции во главе с Ираном, куда будут вовлечены зависимые от него государства (Ирак, Ливан, Сирия, Палестина, Афганистан).

- Завершение войны в Сирии, режим Башара аль-Асада сохраняется.

- Вывод иностранных войск из Сирии и Ирака.
- Заключение соглашения о стратегическом партнерстве с Россией.
- Закупка Ираном российской военной техники.
- Провокационный повод.

Позитивные последствия:

- Иран может стать региональным лидером.
- Иран устранил главное суннитское государство в регионе.
- Укрепление отношений с Россией.
- Нефть за другую валюту (отказ от нефтедолларов).

Негативные последствия:

- Во время войны двух нефтяных сверхдержав цена на черное золото упадет из-за того, что обе стороны будут наращивать объемы добычи для ведения войны, несмотря на квоты ОПЕК.

- Иран может проиграть войну.
- Жертвы, разрушенная инфраструктура.
- Дестабилизация всего ближневосточного пространства.
- Вероятность вовлеченности в конфликт ряда мировых держав.
- Вероятность использования ядерного удара.

Степень вероятности данного сценария.

Вероятность войны между Ираном и Саудовской Аравии достаточно высокая. Но на данном этапе в войне больше заинтересована суннитская сторона, поскольку Иран еще не окреп финансово, а также участвует в военных действиях в Сирии. Эр-Рияд периодически провоцирует Тегеран

(массовая казнь активистов-шиитов в Саудовской Аравии, запрет паломникам из Ирана совершить хадж).

Вероятность – высокая.

2. Статус-кво на Ближнем Востоке.

Условия для реализации данного сценария:

- Сохранение консервативного верха в Иране.
- Не устраивать открытых военных конфликтов по линии суннизм – шиизм.

- Отказ от идеи регионального лидерства в пользу равной кооперации региональных государств.

Позитивные последствия:

- Избегание столкновения с Саудовской Аравией.
- Сохранение единой исламской цивилизации.
- Полноценное сотрудничество в рамках региона.
- Объединение ислама против иностранного вмешательства в политику региона.
- Нераспространение оружия массового уничтожения в регионе (соблюдение ДНЯО).

Негативные последствия:

- Ближний Восток будет развиваться отдельно, не участвуя в глобализации.
- Западофобия.
- Сохранение средневекового общества.

Степень вероятности данного сценария.

Вероятность сохранения статус-кво не велика. Так как противоречия между странами региона, разделенного на два лагеря (сунниты – шииты), растут. Такие примеры, как массовые казни шиитов в Саудовской Аравии и запрет посещения хаджа в Саудовской Аравии для иранцев, тому подтверждение. Также в марте 2016 г. Лига арабских государств (кроме Ирака и Ливана) причислила ливанское шиитское движение «Хезболлах» к

террористическим организациям [РИА-Новости, режим доступа: <http://ria.ru/world/20160311/1388428857.html> (дата обращения: 11.03.2016)]. Это движение является филиалом иранской организации. В ответ на это духовный лидер Ирана Али Хаменеи назвал «Хезболлах» гордостью всего исламского мира и заявил, что «подобные декларации со стороны государства (Саудовская Аравия), торгующего нефтедолларами и напрямую зависящего от США, не имеет никакого значения» [SHIIZM TV, режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HRjmf_Xcs1U (дата обращения: 11.03.2016)].

Вероятность – низкая.

Что касается внешнеполитического направления Иран – США.

3. Сближение Ирана и США.

Реального сближения не будет до тех пор, пока в Иране существует этот режим, который изначально позиционировался как антиамериканский. США заинтересованы в светском демократическом государстве, которое не будет враждовать с Израилем.

Условия для реализации данного сценария:

- Президентом Ирана останется либерально настроенное лицо.
- США должны опираться на молодое поколение, особенно на образованное, которому чуждо ущемление прав и свобод (открытие подобных структур, как Виртуальное посольство США в Иране, увеличить приток иранских студентов в учебные заведения США – развивать именно «мягкую силу» в отношении Ирана).
- Отсутствие радикальных изменений внешнеполитического курса следующего президента США в отношении Ирана.
- Смерть Али Хаменеи (76 лет, имеет онкологическое заболевание).
- Поправки в Конституции ИРИ.

Позитивные последствия:

- Приток капитала.

- Обладание сильными западными союзниками.
- Продолжение демократизации общества.
- Переизбрание Х. Рухани в 2017 г.
- Установление дипломатических отношений между Ираном и США.
- Экономическое и политическое партнерство между странами.

Негативные последствия:

- Отказ от своих основных принципов.
- Антиамериканская революция 1979 г. была зря.
- Недовольство консервативной элиты, организация забастовок и манифестаций.

Степень вероятности данного сценария.

В ближайшей перспективе сценарий не может быть реализован. Так как много аргументов против долгосрочного потепления ирано-американских отношений, в основном они исходят от членов Республиканской партии США, влиятельного израильского лобби в США, правительства Израиля во главе с Б. Нитаньяху, а также Али Хаменеи и его сторонники по жесткой линии категорически против проамериканского направления Ирана.

Вероятность – крайне низкая.

Этот сценарий может быть осуществлен лишь в долгосрочной перспективе, так как в Иране все же проявилась тенденция к постепенной демократизации и либерализации. Она стала заметна после смерти имама Хомейни. В первую очередь это связано с началом управления страной Али Хаменеи и Хашеми Рафсанджани, духовным лидером и президентом, соответственно. В 90-е гг. они занимались новаторством, представляли умеренное реформаторское крыло, чем вызывали шквал критики со стороны старых богословов консервативной элиты. Али Хаменеи внес поправки в Конституции в 1989 г., убрав пост премьер-министра и наделив президента более широкими полномочиями.

Это было лишь начало реформ. Далее президентом был избран более либеральный М. Хатами, который перевернул понимание «левых» и «правых» в Иране. Когда Хатами стал президентом в 1997 г. (представляющий явно либерально-реформаторское движение), то в сравнении с ним Али Хаменеи автоматически стал представителем консервативного толка. Занимая президентский пост два срока подряд, Хатами внес серьезный вклад в процесс модернизации государства и общества.

Однако в 2005 г. президентом был избран консервативный М. Ахмадинежад. И все проводимые ранее усилия со стороны Рафсанджани и Хатами, казалось бы, потеряли смысл. Но после оглашения результатов следующих выборов в 2009 г., в которых посредством фальсификации вновь был избран Ахмадинежад, произошли серьезные демонстрации иранцев во главе с реформатором Мир-Хосейном Мусави. То «Зеленое движение» в 2009 г. считается самым крупным манифестом со времен Исламской революции 1979 г.

Иранский народ, очевидно устав от удушья санкционной политики Запада, смог радикально изменить курс, избрав в 2013 г. Хасана Рухани в качестве нового президента. Стоит сказать, действующий президент получал магистерскую и докторскую степень в университете Великобритании. Рухани изначально провозгласил главные пункты своей программы – закрытие вопроса о ядерном досье (что предполагает снятие или ослабление санкций) и налаживание экономических отношений с мировым сообществом.

Тогда же наметилось потепление отношений между Тегераном и Вашингтоном. В 2013 г. состоялся первый в истории ИРИ телефонный разговор с президентом США.

В июле 2015 г. между Ираном и группой «5+1» было достигнуто соглашение об урегулировании иранской ядерной программы. Стоит отметить, что иранской делегацией на переговорах в Вене руководил

министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф, который больше десяти лет учился в образовательных учреждениях США.

Этот период в отношениях между двумя странами называют «оттепелью», хоть и относительной. Тем не менее, в первую декаду после революции подобного положения никто не мог ожидать.

После подписания соглашения стороны произвели частичный обмен заключенными. Ядерная сделка не была идеальной ни для одной из сторон, каждому пришлось идти на некоторые уступки. Соглашение предполагало допуск экспертов МАГАТЭ на ядерные объекты Ирана.

Предполагалось, что санкции будут сняты спустя полгода. В октябре 2015 г. ИРИ провели испытания баллистических ракет средней дальности, нарушив сразу две резолюции Совета Безопасности ООН.

Тем не менее, в январе 2016 г. МАГАТЭ объявило об успешной имплементации Тегераном всех условий, касающихся реформирования его ядерной программы. Со стороны Европы были сняты все санкции в отношении Ирана, а США ликвидировали только те ограничения, которые были установлены в связи с ядерной программой.

За день до этого министр транспорта ИРИ сообщил о заключении контракта с Airbus о покупке 114 новых пассажирских авиалайнеров. Были отправлены первые танкеры с нефтью в Европу. Отношения с ЕС постепенно начинают оживать, чего нельзя сказать о США. На следующий день после официального снятия санкций Вашингтон ввел в отношении Тегерана новые ограничения, запрещающие причастным к иранской ракетной программе лицам использовать банковскую систему США.

В начале марта 2016 г. Иран вновь провел испытания баллистических ракет. В ответ на это спикер палаты представителей США П. Райан заявил, что Конгресс будет добиваться введения новых экономических санкций. По его мнению, санкции должны действовать «пока режим не прекратит свое агрессивное и провокационное поведение, направленное против США и их союзников». Также он отметил, что испытания ракет Ираном противоречат

международному праву [BBC, 2016, режим доступа: http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160308_ryan_iran_sanctions (дата обращения: 29.03.16)].

Официальный представитель МИД ИРИ Хуссейн Джабер Ансари ответил, что «иранская программа по разработке баллистических ракет никогда не была предназначена для разработки средств доставки ядерного оружия».

США не желают терять рычаг давления на Иран, поэтому периодически будут вводить новые санкции. Основным источником таких инициатив выступают Республиканская партия США и израильское лобби – оппоненты иранского режима.

Неоднородность мнений членов Конгресса по этому вопросу будет и дальше существовать. США будут проводить подобный курс, даже после победы Хилари Клинтон на президентских выборах в ноябре 2016 г. Это также связано с сильным влиянием еврейских лоббистов, обладающих значительными средствами, благодаря чему они могут спонсировать выборные программы сенаторов, ставя последних в зависимое положение в будущей карьере. В марте 2016 г. выступая перед AIPAC, крупнейшим произраильским лобби США, Х. Клинтон утверждала, что Америка не может быть нейтральной, когда речь идет о защите Израиля, а отношения Вашингтона и Иерусалима не подлежат пересмотру.

Более того, Х. Клинтон является кандидатом от Демократической партии, что и Барак Обама. А что касается республиканцев, противников Ирана, то в финальной части выборов (скорее всего, если партийная элита не сможет наложить вето) их будет представлять Д. Трамп, который был беспартийным до выборов, однако он предоставляет весьма расплывчатую и невнятную информацию о своем внешнеполитическом курсе. Поэтому серьезное потепление между Ираном и США в ближайшее время вряд ли возможно.

Существует вероятность лишь временного перемирия, поэтому Ирану следует извлечь максимум выгоды в этот краткосрочный период (успеть разморозить счета в американских банках с миллиардами долларов, закупить гражданской и военной техники, технологии, обновить инфраструктуру, сделать более открытый доступ европейским предпринимателям к иранскому рынку).

4. Ухудшение отношений Ирана и США.

Условия для реализации данного сценария:

- Парадигмально отличные страны, различие идеологий (исламский традиционализм Ирана и либеральная демократия США).
- Иран вновь попытается отказаться от нефтедолларов.
- Али Хаменеи и Совет стражей Конституции ИРИ проводят антиамериканский курс.
- Рухани, президент-либерал, впервые выступил с антиамериканской речью (май 2016).
- США обвиняет Иран в пособничестве терроризму (финансирование ливанской «Хезболлах» и палестинского «Исламского джихада»).
- Верховный суд США вынес постановление об отказе в возвращении двух миллиардов долларов замороженных иранских активов, мотивируя это тем, что такая сумма пойдет на компенсации американским семьям, родственники которых погибли при терактах в Бейруте в 1983 году, к которым якобы причастен Иран [РИА-Иран, режим доступа: http://www.iran.ru/news/politics/100695/Iran_gotov_napravit_isk_k_SShA_v_mezhdunarodnyu_sud (дата обращения: 26.04.16)].
- Введение американских санкций в отношении иранской программы баллистических ракет.

Позитивные последствия:

- Руководство следует принципам Конституции – ни Запад, ни Восток.

- Руководство сохраняет традиции и принципы Исламской революции 1979 г.

- Али Хаменеи успешно воплощает в жизнь свой антизападный курс.

- Экономическая и политическая ориентация на Россию.

- Возможность побороться за господство в регионе.

Негативные последствия:

- Иран – государство со средневековым мышлением.

- Сохранение статуса «государства-изгоя».

- Санкции против Ирана со стороны США (Совбез ООН может не одобрить резолюцию из-за использования Россией права вето).

- Смена политического курса Х. Рухани на более консервативный.

- Очередная холодная война с США.

- Дипломатические отношения между Ираном и США не будут восстановлены.

Степень вероятности данного сценария.

Представленный сценарий уже постепенно реализуется и будет продолжать исполняться.

Вероятность – высокая.

По внешнеполитическому курсу Ирана в отношении России не предвидится радикального ухудшения взаимоотношений.

5. Сближение с Россией.

Условия для реализации данного сценария:

- Совместные действия в Сирии.

- Консервативная элита во главе как Ирана, так и России.

- Россия не вносит «Хезболлах» в реестр запрещенных и террористических организаций.

- Ухудшение отношений Ирана с Западом.

Позитивные последствия:

- Совместное противодействие терроризму.
- Торгово-экономическое сотрудничество.
- Иран получит союзника, который является постоянным членом Совета Безопасности ООН.

- Решение Каспийского вопроса в пользу России и Ирана.
- Интеграция Ирана в такие структуры, как ШОС, ЕАЭС, БРИКС.
- Создание организации экспортеров газа.
- Военное сотрудничество.

Негативные последствия:

- Латентная конкуренция на рынке энергетики.
- Россия, как союзник, не обладает высокими технологиями, кроме военных.

Степень вероятности данного сценария.

У Ирана не будет иного выбора, а оставаться в изоляции страна не сможет в долгосрочной перспективе. Россия наиболее сильный и выгодный Ирану союзник из числа государств, являющихся лояльными к недемократическим режимам.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о намерении поднять вопрос о присоединении Ирана к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в ходе заседания Совета министров иностранных дел ШОС [РИА-Иран, режим доступа: http://www.iran.ru/news/politics/100829/Glava_MID_RF_podnimet_vopros_o_vstuplenii_v_ShOS_Irana (дата обращения: 24.05.16)].

Министр иностранных дел Китая Ван И после заседания Совета министров иностранных дел ШОС в Ташкенте заявил, что Иран сможет присоединиться к этой структуре только после того, как решится вопрос об интеграции Индии и Пакистана [РИА-Иран, режим доступа: http://www.iran.ru/news/politics/100831/Kitay_Iran_mozhet_voyti_v_ShOS_posle_Indii (дата обращения: 25.05.16)].

Посол Тегерана в Москве Мехди Санаи заявил, что «у президентов Ирана и России Хасана Рухани и Владимира Путина имеются многочисленные планы для дальнейшего расширения двусторонних отношений и взаимовыгодного сотрудничества» [РИА-Иран, режим доступа:http://www.iran.ru/news/politics/100836/Iranskiy_diplomat_prezidenty_Irana_i_Rossii_nastroeny_razvivat_dhustoronnie_otnosheniya (дата обращения: 25.05.16)].

Таким образом, данный сценарий находится в процессе реализации.

7. Иран как повод для новой мировой войны.

Данный сценарий не является сверхфантастическим. Широкомасштабной войны с участием большого количества акторов не было уже более 70 лет. Иранский вопрос – отличный повод для модернизации системы международных отношений. Соглашение Сайкс-Пико (1916 г.) явилось бомбой замедленного действия, поэтому уже есть «нагретая» площадка в Сирии и Ираке. Несложно задействовать весь регион, открыв несколько фронтов военных действий.

В последние годы Ближний Восток выглядит самым нестабильным регионом в мире. Сегодня также существует внутренний конфликт в исламской цивилизации, следовательно, есть возможность грамотно столкнуть конфликтующие исламские стороны (прежде всего, Иран и Саудовская Аравия) к открытым военным действиям, что повлечет за собой вмешательство в войну целый ряд союзнических сил с той и другой стороны.

Последствия могут быть самые различные, начиная от перекройки границ региона (пересмотр соглашения Сайкс-Пико) до модернизации, усовершенствования или смены системы международных отношений с возможным исчезновением некоторых субъектов, как государств-лидеров, с их последующей заменой на новые главенствующие акторы.

В заключении, на основе вышепредставленных сценариев с их потенциальной вероятностью следует общий вывод – ирано-американские отношения постепенно ухудшаются, поэтому Иран и Россия заключают

стратегическое партнерство, после этого вполне вероятно открытая военная конфронтация между Ираном и Саудовской Аравией, что может послужить причиной для широкомасштабной войны с участием многих мировых держав.

Заключение

В данной работе была проанализирована внешняя политика Исламской Республики Иран в рамках постбиполярной системы международных отношений. Тема действительно актуальна, ведь после подписания ядерного соглашения в июле 2015 г. Исламская Республика Иран вышла из международной изоляции, потому весьма любопытен вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе, установленном руководством страны во главе с духовным лидером-консерватором Али Хаменеи и Хасаном Рухани, представляющем относительно либеральное крыло в Иране.

В рамках постбиполярной системы произошел подъем исламской цивилизации и ее противостояния с западно-центристской моделью, появился новый враг системы в лице международного терроризма, обозначился ряд государств, претендующих на повышение своего статусного положения в мире.

Исламская Республика Иран является уникальным государственным субъектом, сочетая в себе ислам и демократию. К тому же, государственной религией Ирана является ислам шиитского толка (малая ветвь ислама), что качественно влияет на сознание иранцев, пробуждая в них чувство собственной уникальности как нации, происходит повышение уровня патриотических и националистических настроений.

Иран занимает благоприятное территориальное положение на карте мира, находится на стыке мировых торговых и транзитных путей. На территории Ирана расположены огромные запасы нефти и газа, что ставит страну в выгодное положение, вызывая большой интерес иностранных партнеров. Стоит отметить, Иран обладает «политическим инструментом» в Ормузском проливе (имеет возможность перекрыть пролив, через который проходит 1/3 мирового экспорта нефти), которым ранее он пользовался неоднократно.

Региональная политика Исламской Республики Иран направлена на получение статуса лидера Ближнего и Среднего Востока. Конкуренцию составляют такие страны, как Саудовская Аравия и Турция. Государство грамотно проводит внешнюю политику, не участвуя (по крайней мере, напрямую) в каких-либо военных театрах после окончания ирано-иракской войны в 1988 г.

Иран распространил свое влияние на территории Ирака, Афганистана, Ливана, Бахрейна – в этих странах находится большое количество шиитов (в некоторых, таких как Ирак и Бахрейн, шииты составляют больше 50 % от общего числа населения).

По-прежнему сохраняются враждебные отношения с Израилем, ярким противником ядерного соглашения, от мнения которого нередко зависят изменения во внешнеполитическом курсе США.

Межгосударственные отношения Ирана и США практически отсутствуют. Р. Хомейни провозгласил антиамериканский курс, клеймив США «Большим Сатаной», а Израиль – «Малым». До сих пор не были восстановлены дипломатические отношения, разорванные посредством захвата революционерами американского посольства в Тегеране в 1979 г. Также отсутствуют и экономические отношения между частными компаниями по причине периодического введения санкционных ограничений, карающихся законом. Такие западные некоммерческие организации по правам человека как Amnesty International, Human Rights Watch также ограничены в кооперации с иранскими структурами и часто не имеют даже доступа в Иран.

Ирано-российские отношения существуют уже более пяти веков, включая как взлеты, так и падения. Стоит отметить, что Р. Хомейни также называл СССР «Меньшим Сатаной», ставя его между США и Израилем по степени опасности.

После распада Советского Союза отношения между странами начали улучшаться. Посредством России было закончено строительство первой АЭС

в Бушере. Тегеран и Москва имеют общие интересы в сфере экономики, геополитики, энергетики и т.д. С конца 2015 г. обе страны участвуют в поддержке режима Башара аль-Асада в Сирии. Страны высказали заинтересованность в отказе от нефтедолларов.

Иран в течение долгого времени находился под международными санкциями из-за своей «нелегальной» ядерной программы. Однако спустя два года (июль 2015 г.) после прихода к власти Х. Рухани соглашение по иранскому ядерному досье было достигнуто. Выход Тегерана из мировой изоляции может привести к разным исходам.

На основе проведенного прогноза, можно сделать вывод, что Иран укрепит сотрудничество с Россией, так как обе стороны в этом заинтересованы. Следовательно, должно последовать охлаждение отношений с Западом (прежде всего, с США), а также есть вероятность разворачивания открытого военного конфликта между Исламской Республикой и Саудовской Аравией, чьи отношения в последнее время заметно ухудшились, сопровождаются периодическими провокациями с обеих сторон.

Повышение положения Ирана в мире или сохранение статус-кво с клеймом «государство-изгой» – та или иная тенденция должна определиться в ближайшей перспективе.

Список использованных источников и литературы

1. Алиев С. М. История Ирана. XX век / Алиев Салех Мамедоглы; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. - М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. — 648 с.
2. Амир-Мокри С., Биглари Х. Неожиданная удача для Ирана? Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Neozhidannaya-udacha-dlya-Irana-17941> (дата обращения: 20.01.16).
3. Баклицкий А., Вайнц Р. Соглашение по иранской ядерной программе: возможности и преграды для российско-американского сотрудничества. Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Soglashenie-po-iranskoj-yadernoi-programme-vozmozhnosti-i-pregrady-dlya-rossiisko-amerikanskogo-sotr> (дата обращения: 01.05.16).
4. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5-ти тт. — Т. 2. Европа: V-XVII вв. — М.: Мысль, 1999. — 695 с.
5. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 560 с.
6. Григорьян Г. В. Исторические, экономические и политические составляющие Ирана. URL: <http://rusinarm.com/9> (дата обращения: 10.05.16)
7. ДиБит. Информационный портал. Численность населения – Иран. URL: <http://dibit.ru/statistics/who/irn/population.html> (дата обращения: 05.12.15).
8. Дружиловский С. Б. Российско-иранские отношения после создания Исламской республики Иран. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. — М.: ИВ РАН, 2015. — с. 25-35.

9. Дугин А. Г. Постмодерн и постмодернизм. 2014. URL: режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=PWqZawzMvOI> (дата обращения: 27.04.16).
10. Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы. Россия в глобальной политике. № 3, 2004, — с. 18-24.
11. Капитонов К. А. Али Хахеми Рафсанджани: с Кораном в большую политику. URL: <http://www.peoples.ru/state/king/iran/rafsandjani> (дата обращения: 18.02.16).
12. Караганов С. А. В предвоенном состоянии: о внешней политике и экономике. Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/V-predvoennom-sostoyanii-o-vneshneipolitike-i-ekonomike-18108> (дата обращения: 10.05.2016).
13. Караганов С. А. Контуры перемен. Россия в глобальной политике. № 2, 2016. — с. 21-33.
14. Киссинджер Г. Как спасти Ближний Восток от коллапса. Россия в глобальной политике. 2015. URL: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Как-spasti-Blizhnii-Vostok-ot-kollapsa-17767> (дата обращения: 12.02.16).
15. Кожанов Н. А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения. М., 2011. — с. 75-80.
16. Кожанов Н. А. Брак по расчету. Россия в глобальной политике. №3, 2016. — с. 62-79.
17. Кожанов Н. А. Действие и противодействие. Россия в глобальной политике. №1, 2016. — с. 64-76.
18. Коммерсантъ. Союзы на Востоке. 2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2399567> (дата обращения: 10.04.16).
19. Конституция Исламской Республики Иран. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 4.12.15).

20. Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка, 2007. URL: <http://www.wpres.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения: 27.11.15).

21. Коэн Э., Такей Р., Эдельман Э. Пора быть жестче с Тегераном. Россия в глобальной политике. №2. 2016. — с. 231-245.

22. Красинский В. В. Новый империализм. Теории «ограниченного суверенитета» и «мирового правительства» в американской политической доктрине, 2011. URL: <http://roip.ru/articles/1638.htm>

23. Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Иран выходит из изоляции // Иран: ислам и власть / Отв. ред. Мамедова Н. М., Мехди Санаи. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2001. — с. 151-152.

24. Кулагина Л. М. Новые тенденции во внешней политике ИРИ в связи с обострением политической обстановки на Ближнем Востоке // Иран и Россия. / Отв. ред. Н. М. Мамедова. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. — с. 25-26.

25. Кумарасвами П. Р. Саудовская Аравия: имперское перенапряжение? Россия в глобальной политике. №2. 2016. — с. 216-230.

26. Лукоянов А. К. Шиизм и великодержавность. Россия в глобальной политике. № 3, 2011. — с. 132-141.

27. Макаркин А. В. Махмуд Ахмадинежад против Израиля. 2005. URL: <http://politcom.ru/1573.html> (дата обращения: 10.03.16).

28. Маначинский А. Я. Военный потенциал Ирана. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. — 368 с.

29. Мангейм К. Идеология и утопия. 1929. URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/manngeim-recenz.php> (дата обращения: 12.12.15).

30. Мешкини Г. Н. Проблемы и упущенные моменты активности Исламской Республики Иран в Центральной Азии // Аму-Дарья. 2000. № 5. — с. 86-88.

31. Мирский Г. И. Шииты в современном мире. Россия в глобальной политике. 2005, № 6, — с. 128-141.

32. Мозжухин А. Нельзя считать Иран случайным попутчиком России. Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Nelzya-schitat-Iran-sluchainym-poputchikom-Rossii-17974> (дата обращения: 14.02.16).

33. Наумкин В. В. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности. Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Blizhnii-Vostok-ot-konfliktov-k-stabilnosti--18044> (дата обращения: 20.03.16).

34. Неронова А. В. Внешнеполитическая стратегия Ирана: современность и перспектива. Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 12.— с. 26-29.

35. Петров В. Л. Геополитика России (Возрождение или гибель?). М., 2003. — с. 187-200.

36. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). 2-е изд., пер. и доп. М., «Российская газета», 2012. — с. 374-376.

37. Пурмохаммад М. Каким образом Америка устраняет своих противников? 2015. URL: <http://inosmi.ru/world/20150910/230192099.html#comments> (дата обращения: 15.02.16).

38. Рахмани Б. М. Проблема американской политики по вопросу нефти Каспийского моря. // Аму-Дарья. 2000. № 4. — с. 58-60.

39. РИА-Иран. Из-за ухода России из Сирии ее альянс с Ираном на грани раскола. 2016. URL: <http://www.iran.ru/news/politics/100384> (дата обращения: 10.12.15).

40. РИА-Иран. Иран готов направить иск к США в международный суд. 2016. URL: http://www.iran.ru/news/politics/100695/Iran_gotov_napravit_isk_k_SShA_v_mezhdunarodnuu_sud (дата обращения: 26.04.16).

41. РИА-Иран. Глава МИД РФ поднимет вопрос о вступлении в ШОС Ирана. 2016. URL: http://www.iran.ru/news/politics/100829/Glava_MID_RF_podnimet_vopros_o_vstuplenii_v_ShOS_Irana (дата обращения: 24.05.16).

42. РИА-Иран. Китай: Иран может войти в ШОС после Индии. 2016. URL: http://www.iran.ru/news/politics/100831/Kitay_Iran_mozhet_voyti_v_ShOS_posle_Indii (дата обращения: 25.05.16).

43. РИА-Иран. Иранский дипломат: президенты Ирана и России настроены развивать двусторонние отношения. 2016. URL: http://www.iran.ru/news/politics/100836/Iranskiy_diplomat_prezidenty_Irana_i_Rossii_nastroeny_razvivat_dhustoronnie_otnosheniya (дата обращения: 25.05.16).

44. РИА-Новости. США обеспокоены казнью шиитов в Саудовской Аравии. 2016. URL: <http://ria.ru/world/20160103/1353597897.html> (дата обращения: 17.01.16).

45. РИА-Новости. Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ. 2014. URL: <http://www.ria.ru/world/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 08.12.15).

46. РИА-Новости. Совет ЛАГ признал "Хезболлах" террористической организацией. 2016. URL: <http://ria.ru/world/20160311/1388428857.html> (дата обращения: 11.03.2016).

47. Сажин В. И. Маятник иранской демократии. Россия в глобальной политике, №4, 2005. — с. 58-71.

48. Сажин В. И. Ирано-Американские отношения: еще один шанс? Институт Ближнего Востока. 2002. URL: <http://www.iimes.ru/?p=143> (дата обращения: 25.02.16).

49. Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Издательство Московского университета, 2014. — 512 с.

50. Санаи М. Внешняя политика Ирана: между историей и религией / Махди Санаи // Россия и мусульманский мир. 2006. № 8. — с. 157-162.

51. Санаи М. Ирано-российское сотрудничество: текущее состояние и будущие перспективы Вступительное слово посла Исламской Республики Иран в Российской Федерации. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. — М.: ИВ РАН, 2015. — с. 12-16.

52. Скриба А. С., Новиков Д. П. Ближний восток: основные тенденции. Россия в глобальной политике. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Blizhnii-vostok-osnovnye-tendentcii-18113> (дата обращения: 25.04.16).

53. Степанова Е. А. Политика России по Сирии на этапе военного вмешательства. 2016. URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201602_Stepanova (дата обращения: 16.02.16).

54. Тисдолл С. Как страны Персидского залива могут начать новую ядерную гонку // The Guardian. 2006. URL: <http://inosmi.ru/world/20061212/231614.html> (дата обращения: 11.02.16).

55. Тишьяр М. О развитии ирано-российского сотрудничества. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. — М.: ИВ РАН, 2015. — с. 20-24.

56. Торкунов А. В. Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с.

57. Фромм Э. Бегство от свободы. Пер. с англ. Г. Швейник. 2010. — Москва: АСТ, 2015. — 288 с.

58. Фу И. Как Китай воспринимает Россию. Россия в глобальной политике. № 3, 2016. — с. 187-198.

59. Фукуяма Ф. Этот мир в состоянии шока. О государстве. 2005. URL: <http://inosmi.ru/panorama/20050304/217752.html> (дата обращения: 1.12.15).

60. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

61. Хмылёв В. Л. Современные международные отношения: учебное пособие / В. Л. Хмылёв; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. — 210 с.
62. Цицерон М. Т. Философские трактаты. М., «Наука», 1985. — с. 5-59.
63. Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учеб. Пособие. — М.: Гардарики, 2003. — 590 с.
64. Шершнев Л. И. Четвертая мировая война и ее исторические особенности. 2011. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/61914> (дата обращения: 28.11.15)
65. Шмидт Г. Мир завтрашнего дня. Россия в глобальной политике. №4, 2003. — с. 8-14.
66. Эль-Лаббад М. Затяжная азартная игра. Россия в глобальной политике. №1, 2016. — с. 174-185.
67. Юртаев В. И. Россия и Иран: проблема стратегического партнерства. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. — М.: ИВ РАН, 2015. — с. 36-50.
68. Aron R. La paix et la guerre entre les Nations. P.: Calmann-Levy, 1984. — 793 p.
69. Ayad C. L'Iran agacé par la cogestion américano-russe en Syrie. 2016. URL: <http://www.lemonde.fr/les-articles-du-monde/160510.html> (дата обращения: 11.05.16).
70. BBC. Русская служба. Конгресс США намерен добиваться новых санкций против Ирана. 2016. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160308_ryan_iran_sanctions (дата обращения: 29.03.16).
71. Borger J. Iran nuclear deal reached in Vienna. The Guardian. 2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/jul/14/iran-nuclear-deal-expected-to-be-announced-in-vienna> (дата обращения: 10.09.15).

72. Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (режим доступа: 06.12.15).

73. Energy Information Administration. 2015. URL: <http://www.eia.gov/beta/international> (дата обращения: 26.02.16).

74. EurAsia Daily. Россия и Иран могут обмениваться нефтью и газом: своп с выходом на новые рынки. 2015. URL: <http://www.eadaily.com/news/2015/11/06/rossiya-i-iran-mogut-obmenivatsya-neftyu-i-gazom-svop-s-vyuhodom-na-novye-rynki> (дата обращения: 20.11.15).

75. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/iran> (дата обращения: 15.12.15).

76. Fukuyama, F. Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory. 1995. — Vol. 34. — № 2. — p. 27-43.

77. Gismatullin E. Putin's Decade-Old Dream Realized as Russia to Price Its Own Oil. 2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-28/putin-s-decade-old-dream-realized-as-russia-to-price-its-own-oil> (дата обращения: 30.04.16).

78. Kohler F. So führt Russland Krieg in Syrien. 2016. URL: <http://www.stern.de/politik/ausland/russland-in-syrien--so-fuehrt-putin-krieg-im-nahen-osten-6865662.html> (дата обращения: 26.05.16).

79. Maps of World. URL: <http://www.maps-of-world.ru/map-iran.htm>

80. Muslim Population. URL: <http://www.muslimpopulation.com> (дата обращения: 14.01.16).

81. Myers S. L. Voices of Freedom Are Stilled by Europe's Last Dictator. The New York Times. 2004. URL: <http://www.query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9F04E5DB153DF934A15753C1A9629C8B63&sec=&spon=&pagewanted=all> (дата обращения: 15.12.15).

82. Nazemroaya M. D. The US-Iranian cold war in the Middle East and the threat of broader war. 2012. URL: <http://www.voltairenet.org/The-US-Iranian-cold-war> (дата обращения: 21.03.16).

83. Oil & Gas Journal. URL: <http://www.ogj.com/index.html> (дата обращения: 07.12.15).

84. Open Doors. URL: <https://www.opendoors.de/verfolgung/weltverfolgungsindex2015> (дата обращения: 15.01.16).

85. Rosenau J. Le toureste et le terroriste ou les deux extremes du continuum international // Etudes Internationales. 1979. — 220 p.

86. SHIZM TV. Хизбулла – гордость исламского мира (Имам Хаменеи). 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HRjmf_Xcs1U (дата обращения: 11.03.2016).

87. Smyth G. The tricky triangle of Iran, Russia and Israel. 2016. URL: <http://www.theguardian.com/world/iran-blog/2016/apr/25/iran-russia-israel-tehranbureau> (дата обращения: 26.04.16).

88. Stat Nano. URL: <http://www.statnano.com/report/s29>

89. Statistical Centre of Iran. URL: <http://www.amar.org.ir> (дата обращения: 06.12.15)

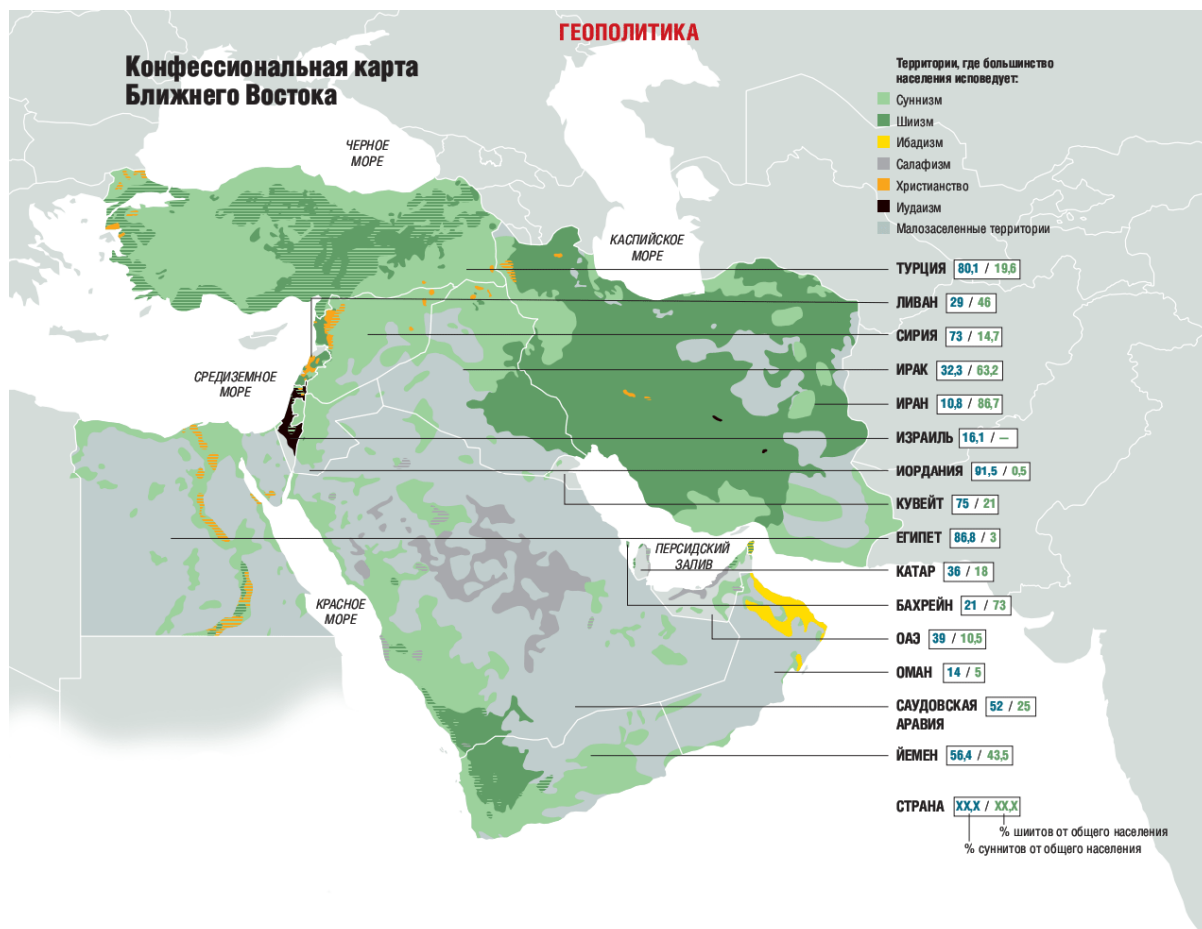
90. Trading Economics. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/iran/inflation-spi> (дата обращения: 17.12.15).

91. World Statistics. URL: <http://ru.worldstat.info/Asia/Iran/Land> (дата обращения: 3.12.15).

Приложения

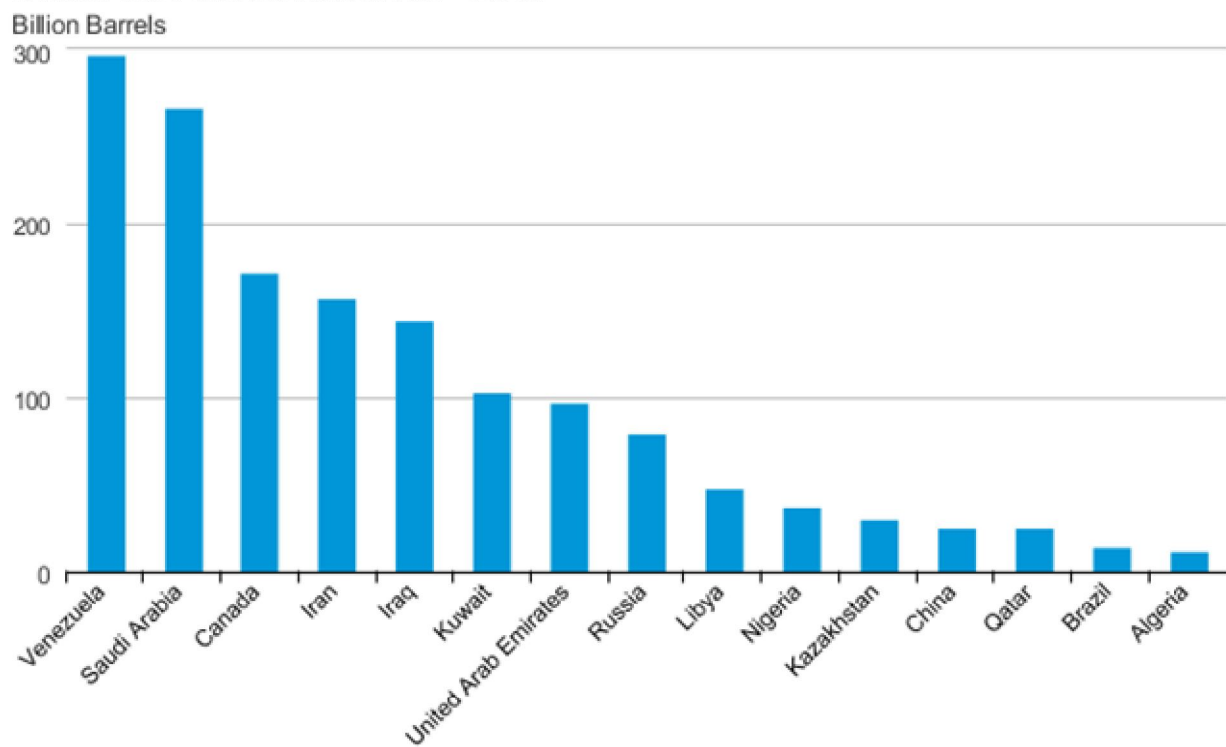
Приложение 1

Конфессиональная карта Ближнего Востока [Союзы на Востоке, 2014, URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2399567>]

Доказанные запасы сырой нефти [Energy Information Administration, 2015,
 URL: <http://www.eia.gov/beta/international>]

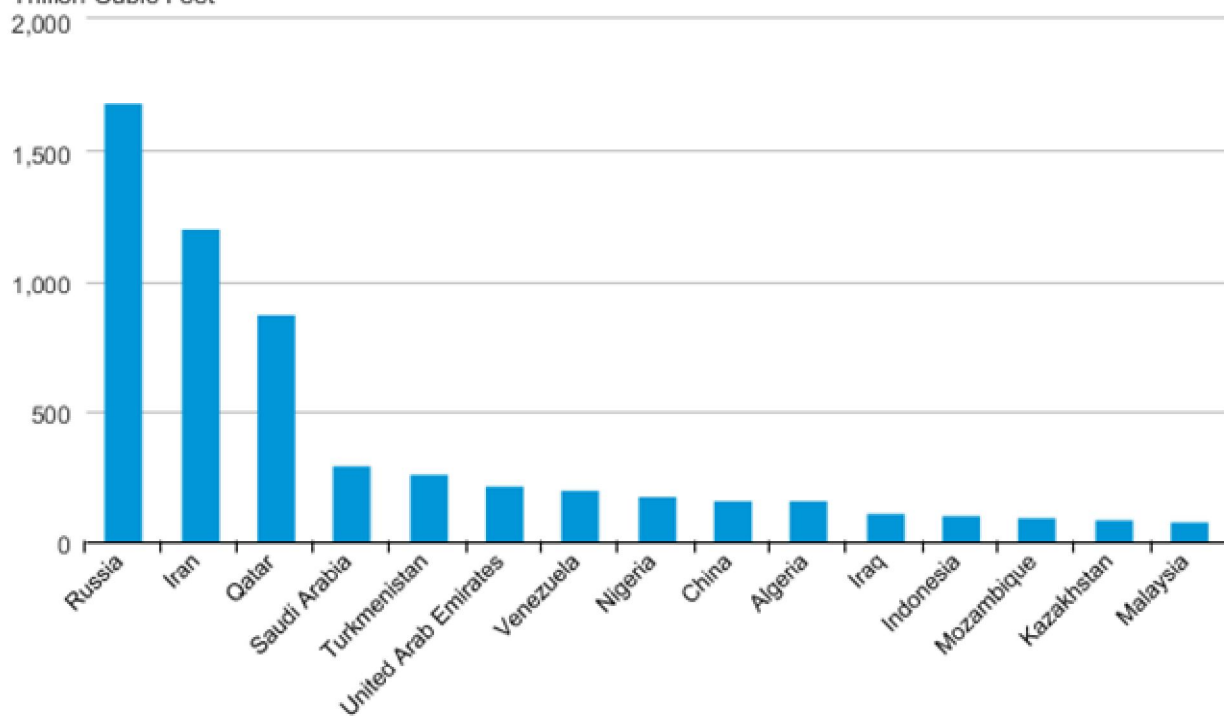
Crude Oil Proved Reserves - 2015

Доказанные запасы природного газа [Energy Information Administration, 2015, URL: <http://www.eia.gov/beta/international>]

Proved Reserves of Natural Gas - 2015

Trillion Cubic Feet

Рейтинг стран в области нанотехнологий [Stat Nano, URL:
<http://www.statnano.com/report/s29>]

ISI INDEXED NANO-ARTICLES (ARTICLE)

		2011	2012	2013	2014	2015	2016 [Apr]	
1	 China	24,949	28,362	34,584	41,480	47,458	15,525	
2	 USA	18,747	19,841	21,925	22,869	23,627	6,889	
3	 India	5,534	6,099	7,952	9,636	10,670	3,508	
4	 South Korea	6,344	6,891	7,581	8,300	8,793	2,707	
5	 Germany	6,834	6,987	7,538	8,012	8,194	2,515	
6	 Iran	3,011	3,681	4,624	5,565	6,660	2,431	
7	 Japan	6,763	6,717	7,197	7,404	7,345	2,223	
8	 France	4,554	4,823	5,232	5,359	5,618	1,656	
9	 UK	3,440	3,628	4,124	4,496	4,826	1,589	
10	 Spain	3,055	3,429	3,715	3,984	4,079	1,405	

Контент-анализ материалов периодической печати журнала «Россия в глобальной политике» за 2016 г. на тему внешней политики Исламской Республики Иран

№	Автор	Название статьи	Содержание
1	<p>Николай Кожанов – кандидат экономических наук, консультант программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги.</p>	<p>Брак по расчету</p> <p>Россия в глобальной политике. №3, 2016 г.</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Brak-po-raschetu-18143</p>	<p>Перспективы российско-иранского регионального сотрудничества.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Пропаганда Ирана и России отнеслись исключительно позитивно к участию России в сирийской гражданской войне • 23 ноября 2015 – визит Путина в Тегеран и встреча с Рухани и Хаменеи (главное – сирийский вопрос) • Взаимодействие Москвы и Тегерана по Сирии будет долгосрочным, но ряд факторов не позволит ему стать полноценным военно-политическим альянсом. • Некоторая часть иранского общества демонстрирует усталость от активного вмешательства Тегерана в дела региона, на что уходят значительные средства. • КСИР критикуют Россию, так как воспринимают Сирию как свою вотчину, право на владение которой они оплатили не только деньгами, но и кровью. И если Москва даже сейчас продолжает пытаться играть роль посредника между режимом и оппозицией, то Тегеран с первых дней гражданской войны однозначно выступил союзником официального Дамаска. • Хаменеи же де-факто дал зеленый свет взаимодействию с Россией, что и было подтверждено во время его встречи с Путиным в ноябре 2015 года. • Советник Хаменеи по внешней политике Али Акбар Велаяти: «российские усилия по сирийской проблеме полностью согласовываются с Ираном». • Во-первых, и Иран, и Россия заинтересованы в сохранении государственных институтов в Сирии.

		<ul style="list-style-type: none"> • Москва была уверена, что создавать новую Сирию можно лишь на основе остатков старой. • Тегеран заинтересован в спасении остатков сирийского государства по другим причинам. Высшее руководство считает свои действия в Сирии элементом более глобальной стратегии, конечной целью которой является закрепление за Ираном права определять развитие событий в регионе. В этом ключе иранские консерваторы сформулировали концепцию «цепи сопротивления», состоящей из Ливана, Сирии, Ирака и Йемена. • К числу врагов в первую очередь относят Саудовскую Аравию, а также по мере необходимости Катар и Турцию. • Велаяти даже назвал Сирию «золотым звеном» в «цепи сопротивления». Военное присутствие Ирана в этой стране также видится Тегерану как элемент старого противостояния с главными идеологическими оппонентами – Израилем и США. • Для Ирана Дамаск является одним из важных элементов ирано-американо-израильского противостояния. • Сохранение проиранского режима в Сирии – экзистенциальный вопрос для Тегерана, а следовательно, помещает Иран в один лагерь с Россией, которая также (хотя и в силу иных причин) спасает власть Асада. • При этом как Россия, так и Иран не видят конечной целью своего военного присутствия в Сирии возвращение Асаду полного контроля над страной. Как руководство ИРИ, так и российские власти прекрасно понимают, что это невозможно: у них просто нет достаточных ресурсов. В результате обе страны поддержали усилия международного сообщества по решению сирийского конфликта дипломатическим путем, пока последний гарантирует сохранение в САР российского и иранского влияния. • Сближает Тегеран и Москву и восприятие ИГИЛ и группировки «Джабхат ан-Нусра» как значимой угрозы. Однако если для России они в первую очередь являются проблемой национальной безопасности, то в Иране воспринимаются как существенный
--	--	--

		<p>идеологический вызов.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Велаяти: «Каждая страна преследует свою выгоду, но в одиночку Россия не сможет защитить собственные интересы на Ближнем Востоке и в регионе». • Отсутствие объединенного штаба или иного наднационального органа, предполагающего постоянное и устойчивое координирование военных усилий. • С 2014 г. Тегеран стал вкладываться в создание военных структур, альтернативных сирийской армии, и замыкать их на себя, чтобы сделать Дамаск еще более зависимым. В частности, был предпринят эксперимент по формированию организации на манер ливанской «Хезболлы». • Образ России благоприятен среди лояльных режиму сирийцев и особенно тех, кто был раздражен попытками Тегерана превратить Асада в марионетку. • МИД ИРИ старательно избегает однозначных заявлений о характере российско-иранских отношений. • Реальное вступление в возглавляемую Ираном коалицию шиитских сил на Ближнем Востоке и начало полноценного противостояния с Саудовской Аравией и другими монархиями Персидского залива принесет России только вред.. • Но в октябре 2015 г. саудовские богословы назвали российское вмешательство войной против суннитов и призывает мусульман к джихаду против Москвы. • Наконец, сближению России и Ирана по Сирии мешает и израильский фактор. • Фактор связей с третьими странами сдерживает и Иран. Показателен подход Тегерана к российско-турецкому конфликту. • Иранцы традиционно пытаются избегать ситуаций, когда политика вредит экономике. • Курдский фактор. Когда в марте 2016 г. в России активизировалась дискуссия о возможности превращения Сирии в федерацию, это вызвало в Тегеране определенное напряжение.
--	--	--

			<ul style="list-style-type: none"> • Полностью блокироваться с Москвой иранскому руководству нет причины: слишком много усилий Тегеран потратил на то, чтобы начать выбираться из ямы западных экономических санкций. • Традиционное недоверие иранцев к России. Здесь хорошо помнят, что с 1991 г. Москва неоднократно отказывалась от достигнутых с Тегераном договоренностей ради улучшения отношений с Соединенными Штатами. • Сохранение существенных российских сил в послевоенной Сирии может помешать и реализации целого ряда иранских амбициозных планов. Речь идет не только об использовании сирийской территории для военно-технической подпитки «Хезболлы» и проведения операций против Израиля. Например, российское присутствие может поставить под вопрос попытку Тегерана вернуться к обсуждению с Дамаском довоенного проекта строительства газопровода Иран–Ирак–Сирия–Восточное побережье Средиземного моря, явно противоречащего интересам Москвы.
2	<p>Андрей Баклицкий - Директор программы «Россия и ядерное нераспространение», ПИР-Центр, Россия</p> <p>Ричард Вайц - Старший научный сотрудник, директор Центра военно-политического анализа, Институт Хадсона, США</p>	<p>Соглашение по иранской ядерной программе: возможности и преграды для российско-американского сотрудничества.</p> <p>Россия в глобальной политике. 2016</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/valday/Soglasenie-po-iranskoj-yadernoi-programme-vozmozhnosti-i-pregrady-dlya-rossiisko-amerikanskogo-sotr</p>	<p>14 июля 2015 года США, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Германия, ЕС и Иран договорились о Совместном всеобъемлющем плане действий (известном также как «иранское соглашение»), с целью положить конец противостоянию вокруг ядерной программы Тегерана.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Изменение международной или внутренней ситуации может побудить кого-то из участников выйти из СВПД. В частности, в скором времени произойдет смена лидеров в Иране и Соединенных Штатах, и их преемники могут придерживаться других точек зрения на эти договоренности. • США продолжают применять санкции против Ирана по причинам, не связанным с ядерными разработками: в частности, из-за развития ракетной программы, что также может затруднить реализацию СВПД. Россия, в свою очередь, сомневается в оправданности размещения в Европе систем ПРО. • Сотрудничество между Россией и США – необходимое условие для успешной реализации «иранского соглашения».

		<ul style="list-style-type: none"> • Оба государства не заинтересованы в появлении у Ирана ядерного оружия. Более того, у Москвы есть коммерческий интерес, связанный с успешной реализацией иранского мирного атомного проекта, что само по себе подразумевает незаинтересованность России в нарушении Тегераном своих международных обязательств. • Сотрудничество в области безопасности между США и арабскими соседями Ирана снижает у этих стран желание обзавестись собственным ядерным оружием. • Успех ядерного соглашения с Ираном создаст сильный прецедент в деле нераспространения ядерного оружия и заложит основу для будущего международного сотрудничества в этой сфере. • СВПД стал возможным, благодаря сочетанию нескольких факторов. Это и давление на Тегеран посредством международных санкций, и избрание Хасана Рухани и Барака Обамы президентами Ирана и США (оба президента стремились к заключению ядерной сделки), и длительное сотрудничество между Россией и Западом по иранской ядерной проблематике, несмотря на серьезные разногласия по другим вопросам. • На протяжении 15 лет Тегеран сможет импортировать продукцию для своей ядерной программы только с одобрения специально созданной Совместной комиссии. • В течение 10 лет Иран ограничит исследования, связанные с обогащением урана, газоцентрифужной технологией, а также обязуется представлять МАГАТЭ ежегодный план деятельности, связанной с обогащением урана. • ЕС полностью отменил все односторонние санкционные меры против Ирана, а администрация Обамы отказалась от санкций, наложенных по причине ядерной программы страны. • Это соглашение стало первым случаем, когда санкции против страны, введенные согласно Главе VII Устава ООН, были сняты в результате переговоров, а не по итогам военных действий. • Если Белый Дом останется за демократами, перспективы СВПД выглядят лучше, поскольку «иранское соглашение»
--	--	--

			<p>поддерживают как Хилари Клинтон, так и Берни Сандерс. Хотя Клинтон может предпочесть более сильное давление на Иран, нежели сенатор Сандерс, вряд ли она без веских на то оснований откажет-ся от знаковых достижений своего предшественника. Однако все кандидаты в президенты от Республиканской партии выражают недовольство иранской сделкой, и многие члены Конгресса от Республиканской партии присоединились к этой критике.</p> <ul style="list-style-type: none"> • СВПД должен оставаться в силе более 10 лет, и на таком временном отрезке трудно спрогнозировать состав и действия Конгресса. Но, чем дольше Иран станет придерживаться СВПД, тем более сильное международное давление будет оказываться на любого президента США и Конгресс, чтобы не выходить из него. • После того, как иранский парламент одобрил СВПД, в своем письме президенту Рухани Али Хаменеи сообщал, что принимает этот план. Но с условием. «Любые новые санкции на любом уровне под любым предлогом (таким как неоднократные ложные обвинения в поддержке терроризма или нарушениях прав человека) ... будут считаться на-рушением СВПД», – писал Хаменеи. В этом случае Иран должен выйти из данного соглашения. • Когда 17 января 2016 года США наложили новые санкции на иранских физических и юридических лиц, участвующих в ракетной программе, Тегеран мог бы привести свою угрозу в действие и выйти из СВПД. Но Иран просто увеличил количество запусков и ис-пытаний ракет. • • Из этих примеров видно, что Верховный руководитель готов придерживаться СВПД, если при этом не пострадают стратегические интересы Ирана. Снятие санкций с Тегерана, вероятно, приведет к экономическому росту и повышению уровня благосо-стояния граждан. В этом случае Верховному руководителю будет труднее выйти из режима СВПД без веских на то оснований. • Один из непредсказуемых факторов – это возможная смена
--	--	--	--

		<p>Верховного лиде-ра Ирана. Он избирается пожизненно, но Али Хаменеи уже 76 лет; когда «он утратит возможность выполнять свои конституционные обязанности», Ассамблее экспер-тов придется выбирать его преемника. Итоги такого выбора непредсказуемы. Одна-ко высоки и шансы на то, что решать этот вопрос будет нынешний состав Ассамблеи (2016–2024 гг). Между тем, прошедшие недавно выборы увеличили влияние умерен-ных сил, солидаризирующихся с президентом Рухани. Это может означать, что но-вый Верховный руководитель будет, по крайней мере, столь же лоялен к СВПД, как и аятолла Хаменеи.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Россия и США могут разыграть иранскую карту друг против друга, сознательно уси-ливая напряженность в отношениях между Тегераном и другой стороной. При этом ка-ждая из сторон будет стремиться использовать Тегеран в качестве своего доверенного лица для ослабления влияния друг друга в регионе. При этом в прошлом Исламская ре-спублика никак не выказывала намерения стать чьим-либо сателлитом и, скорее всего, будет придерживаться этой позиции в будущем. • Хотя в Иране действует коммерческий ядерный реактор (в Бушере), Тегеран еще не подписал Конвенцию по ядерной безопасности [26]. Он не яв-ляется стороной Конвенции по физической защите ядерных материалов [27] и Междуна-родной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма. Москва может подтолкнуть Иран к подписанию этих соглашений, что пошло бы на пользу обеим странам и остальному мировому сообществу. • Есть мнение, что Россия и другие члены ШОС в скором времени предоставят Ирану статус полноправного члена Шанхайской организации сотрудничества.
--	--	---

<p>3</p>	<p>Элиот Коэн – профессор стратегических исследований на факультете передовых международных исследований Джона Хопкинса.</p> <p>Рей Такей – старший научный сотрудник Совета по внешним связям. Вместе со Стивеном Саймоном он написал книгу «Прагматичная сверхдержава: победа в холодной войне на Ближнем Востоке».</p> <p>Эрик Эдельман – заслуженный советник по практике в Центре стратегических исследований Филиппа Мерила при факультете передовых международных исследований Джона Хопкинса.</p>	<p>Пора быть жестче с Тегераном</p> <p>Россия в глобальной политике. №2, 2016 г.</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Pora-byt-zhestche-s-Tegeeranom-18034</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) – одно из самых неудачных соглашений в области контроля над вооружениями за всю историю. Но президент Барак Обама твердо пообещал посвятить оставшееся время на президентском посту тому, чтобы всячески сопротивляться нажиму Конгресса, требующему скорректировать условия договора. • Исламская Республика – не традиционное государство, прагматично оценивающее свои интересы, а революционный режим. • Никакого настоящего сближения между правительствами наших двух стран не может быть в принципе, поскольку это подорвало бы основы иранского режима, как их понимают лидеры Ирана. • С учетом серьезного вызова, который Тегеран бросает интересам США, Вашингтону следует стремиться к ослаблению влияния этой страны на Ближнем Востоке, а также систематически размывать основы ее власти. В долгосрочной перспективе Исламская Республика пойдет по стопам Советского Союза и других идеологических реликтов XX века. Иными словами, режим ожидает неминуемый крах. Но до этого момента между Вашингтоном и Тегераном не может быть реального мира. • Самое важное – пересмотреть положение об истечении срока действия, согласно которому самые важные ограничения, наложенные на ядерную программу Ирана, будут сняты через 8 лет. • Соединенным Штатам также следует призвать Тегеран навсегда вывезти весь обогащенный уран из страны. • Соединенным Штатам следует настаивать на том, чтобы Иран имел центрифуги только старого поколения. • Мировому сообществу следует и дальше требовать, чтобы Иран навсегда отказался от разработки таких ракет. • США также нужно добиваться более жестких инспекций («в любое время и в любом месте»). • СВПД не пользуется поддержкой американской общественности или ее представителей в Конгрессе. Новый
----------	--	--	---

			<p>президент может и должен пересмотреть его.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Соединенным Штатам следует наказать Тегеран за агрессивность в регионе, спонсирование терроризма и нарушение прав человека. Для этого необходимо отделить Иран от мировой экономики, по возможности восстановив архитектуру санкций. • Правительство Соединенных Штатов должно использовать телевидение, радио и социальные средства массовой информации для донесения сведений о том, что плохое управление клириков приводит лишь к экономическим лишениям и политическому бесправию. • О будущем Ирана известно только одно: в конце концов, появится еще одно протестное движение, и США должны быть готовы на этот раз поддержать его. • помощь региону в восстановлении разрушающихся государств и окончании многочисленных гражданских войн, поскольку Иран процветает во время хаоса. • Вашингтону следует попытаться уменьшить влияние Ирана в Багдаде. Главная цель – уничтожение ИГИЛ, чтобы уменьшить зависимость правительства Ирака от поддержки и помощи Ирана. • Соединенным Штатам нужно не только попытаться ослабить хватку Ирана в регионе, но и вернуть доверие Израиля и стран Персидского залива. • На фундаментальном уровне конфронтация между США и Ираном – конфликт между единственной сверхдержавой мира и второсортной автократией.
4	<p>П. Р. Кумарасвами – профессор Университета имени Джавахарлала Неру, почетный директор Института Ближнего Востока в Дели.</p>	<p>Саудовская Аравия: имперское перенапряжение?</p> <p>Россия в глобальной политике. №2, 2016 г.</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Saudo</p>	<p>Противостояние Ирана и Саудовской Аравии:</p> <ul style="list-style-type: none"> • В 2004 г. Абдалла обвинил Иран в «обращении» иракских суннитов в шиитов и высказал опасения по поводу усиления последних. • Саудовская Аравия запретила Ашуру – день траура по имамам Али и Хусейну у шиитов. • В апреле 2015 г. Эр-Рияд начал военную кампанию против повстанцев-хуситов, которых поддержал Иран, но особых успехов

		vskaya-Araviya-imperskoe-perenapryazhenie-18033	<p>добиться не удалось</p> <ul style="list-style-type: none"> • В 2016 г. казнь в Саудовской Аравии известного шиитского проповедника Нимра Бакера ан-Нимра, обвиненного в антигосударственной деятельности и подстрекательстве. • Исламская революция в соседнем Иране (1979), опирающаяся на шиитскую концепцию справедливости и сопротивления, стала ударом по саудовскому доминированию, бросив вызов основанному на ваххабизме консерватизму суннитского большинства. • Некоторые аналитики винят Саудовскую Аравию в падении цен и видят в этом стратегию, призванную ограничить доходы Тегерана от снятия санкций. • Самые заметные признаки деградации отношений США и Саудовской Аравии можно увидеть в стремлении Вашингтона заключить соглашение по ядерной программе Ирана, которое было подписано 14 июля 2015 года. Некоторое время Эр-Рияд выражал недовольство тем, что Америка пренебрегает его опасениями в отношении Ирана, особенно в сфере ядерной безопасности. • Отказ Саудовской Аравии занять кресло непостоянного члена Совета Безопасности ООН интерпретировался как признак недовольства политикой Соединенных Штатов по целому ряду вопросов, прежде всего по Ирану.
5	Андрей Мозжухин - корреспондент «Лента.Ру»	<p>«Нельзя считать Иран случайным попутчиком России»</p> <p>Россия в глобальной политике. 2016</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Nelzya-schitat-Iran-sluchainym-poputchikom-Rossii-17974</p>	<ul style="list-style-type: none"> • «Иран и Россия имеют стратегические отношения, а теперь сотрудничают не только по двухсторонним вопросам, но и в области региональной безопасности», – сказал посол Исламской Республики Иран в России Мехди Санаи. • Россия остается приоритетным направлением для внешней политики и экономики Ирана. • В ближайшие 20-30 лет Иран будет самым привлекательным местом для международных инвестиций. • «После девальвации рубля экономический потенциал наших стран практически сравнялся, поэтому не надо теперь смотреть на нашего южного соседа свысока». • Выгодно сотрудничество с Ираном в научной сфере: страна

		<p>занимает четвертое место в мире по количеству научных публикаций, там уже существует 232 технопарка.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Сейчас иранское правительство готовит обширную программу массовой приватизации, в которой могут принять участие и иностранные компании. • Иран сейчас больше всего нуждается в технологиях и инвестициях, и Россия в этом мало чем может помочь. • В экономику активно вмешивается геополитика: на Ближнем Востоке разворачивается мощнейшая конкуренция между Турцией, Ираном и Саудовской Аравией. • «Нельзя считать Иран случайным попугачиком России; это крупнейшая региональная держава, о потенциале которой мы почти ничего не знаем» • «В этом противостоянии за лидерство в исламском мире у саудитов, занятых войнами в Йемене и Сирии, нет никаких шансов победить Иран, поскольку саудовская экономика при всех колоссальных западных инвестициях в нее зависит от нефти на 85%, а недавно освободившаяся от санкций иранская – лишь на 20 процентов. Сафаров считает, что США, понимая это, постепенно переориентируются с Эр-Рияда на Тегеран, и даже оставили на периферии внимания Турцию, «своего самого послушного партнера в регионе». • Проблемы: во-первых, структура экономики обеих стран больше ориентирована на смычку чиновничества и крупного капитала, чем на развитие малого и среднего бизнеса. Во-вторых, структура экспорта наших государств такова, что потребительский спрос на товары друг друга крайне незначителен. В-третьих, даже после восстановления доступа Ирана к системе SWIFT крайне затруднены банковские платежи между нашими контрагентами. • Неоправданно завышенные таможенные тарифы для иранских товаров в России. • Малый и средний бизнес в Иране ориентирован на внутреннее потребление или на соседние страны, а крупный бизнес – на Запад и
--	--	---

			<p>Китай.</p> <ul style="list-style-type: none"> • В Иране существуют влиятельные политические силы, не желающие открытости страны и свободного хождения в ней западного капитала. Консерваторы опасаются, что за этим неизбежно последует торжество западных ценностей и размывание иранской исламской идентичности. • Устойчивая политическая система. Нынешний Иран остается на сегодняшний день самым стабильным государством Ближнего Востока. • Иран медленно, но неуклонно движется в сторону либерализации своей политической системы, а роль исламского фактора постепенно уменьшается.
6	<p>Мустафа Эль-Лаббад – директор Центра региональных и стратегических исследований Аль-Шарк (г. Каир).</p>	<p>Затяжная азартная игра</p> <p>Россия в глобальной политике. №1, 2016 г.</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Zatynazhnaya-azartnaya-igra-17942</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Арабская весна спровоцировала гражданские войны, в процессе которых обострилась конкурентная борьба Турции и Ирана. Каждая сторона претендовала на то, чтобы стать моделью развития для Туниса, Египта, Ливии. Это соперничество еще обострилось, когда «весна» перекинулась на Сирию, где Иран поддерживал правящий режим, а Турция – вооруженную оппозицию. • Россия не желает, чтобы трения между Вашингтоном и Тегераном привели к военному противостоянию, потому что Иран – главный партнер России на Ближнем Востоке (помимо Израиля). • Москва пытается не допустить существенного улучшения отношений между США и Ираном, поскольку это могло бы привести к стратегическому договору между ними. • После холодной войны Турция осталась в НАТО, а Тегеран начал сближаться с Москвой, поскольку вступил в конфликт с Западом после Исламской революции 1979 года. • После подписания ядерного соглашения Россия не исключала, что США могут стремиться к падению Асада, чтобы переломить тенденцию к установлению иранской гегемонии. • США пригласили к участию в сирийских переговорах Иран, чтобы обострить споры между Москвой и Тегераном по поводу того, кто должен играть главную роль в Сирии.

			<ul style="list-style-type: none"> • Турция и Саудовская Аравия жаждут уравновесить влияние Ирана, свергнув режим Асада. Обе суннитские державы стремятся стать лидерами в регионе. Турция хотела бы видеть в Дамаске умеренную исламистскую фракцию, такую как «Братья-мусульмане», тогда как Саудовская Аравия предпочла бы более радикальные альтернативы. • Саудовская Аравия стремится перекрыть сухопутное сообщение между Ираном и Ливаном, чтобы уменьшить влияние Ирана. • Иран в настоящее время вынужденно заключил союз с Россией, чтобы удержать преимущества в Сирии.
7	<p>Сайрус Амир-Мокри – партнер юридической фирмы Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom. С 2011 по 2014 г. занимал пост помощника министра финансов США по финансовым институтам.</p> <p>Хамид Биглари – управляющий партнер TGG Group. Ранее занимал пост вице-председателя и главы направления развивающихся рынков Citigroup.</p>	<p>Неожиданная удача для Ирана?</p> <p>Россия в глобальной политике. 2016</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Neozhidannaya-udacha-dlya-Irana-17941</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Иранское правительство получит огромную и немедленную экономическую выгоду от соглашения благодаря размораживанию активов почти на 100 млрд долларов, а затем отмена санкций откроет шлюзы для притока иностранных инвестиций. • Но для для полного восстановления экономики в ближайшие 10 лет в инфраструктуру нужно вложить 1 трлн долларов. • Иностранные инвестиции будут иметь ключевое значение для Ирана – последней крупной экономики, не интегрированной в глобальную экономическую систему. • Слабость попыток Ирана либерализовать рынок и плохие показатели коррупции и защиты прав интеллектуальной собственности по-прежнему будут останавливать мировых инвесторов. • Консерваторы настаивают на том, что иностранные державы всегда пытались – и будут пытаться – расчленить Иран, чтобы он оставался слабым и зависимым в военном и экономическом отношении. • Свержение в 1953 г. премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка, организованное Великобританией и США, убедило многих иранцев в том, что, если иностранные державы недовольны управлением Ираном, они просто меняют руководство на то, которое будет с готовностью воплощать в жизнь их планы.

			<ul style="list-style-type: none"> • Если иранское руководство хочет выиграть от участия в глобальной экономике, нужно заставить граждан – элиту и обычных иранцев – принять тот факт, что мир изменился и устаревшие представления об иностранном вмешательстве и эксплуатации не должны мешать прагматичным решениям, касающимся экономического будущего страны.
8	<p>Николай Кожанов – кандидат экономических наук, консультант программы «Внешняя политика и безопасность» и Московского Центра Карнеги.</p>	<p>Действие и противодействие</p> <p>Россия в глобальной политике. №1, 2016 г.</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Deistvie-i-protivodeistvie-17932</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Иран в условиях санкций не только активно развивался, но и претендует на региональное господство на Ближнем и Среднем Востоке. • Благодаря санкциям Иран начал процесс диверсификации экономики. • К 2014 г. США были вынуждены признать, что в принудительном порядке снизить объемы закупок нефти у Ирана не удастся – власти КНР, Турции, Южной Кореи и даже Индии и Японии четко дали понять, что не смогут полностью отказаться от иранской нефти. • Помощь Ирану в обходе санкций исполняли Венесуэла, Белоруссия, Бразилия, Эквадор, Сирия, Малайзия, а также государства Организации экономического сотрудничества (ОЭС), включая Турцию. • С помощью санкций США понадобилось три года (с 2010 г.), чтобы усадить Тегеран за стол переговоров, и еще два года, чтобы заставить его принять требования, которые так и не решают в полной мере судьбу ИЯП.
9	<p>Генри Киссинджер – глава Kissinger Associates, бывший госсекретарь США и помощник по национальной безопасности.</p>	<p>Как спасти Ближний Восток от коллапса</p> <p>Россия в глобальной политике. 2016</p> <p>URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Kak-spasti-Blizhnii-Vostok-ot-kollapsa-17767</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Шиитский Иран потенциально способен стать сильнейшей страной в регионе. • Иран выступает в двойном качестве. С одной стороны, он действует как обычное государство в духе Вестфальской системы, используя традиционную дипломатию и периодически апеллируя к международным гарантиям. • С другой стороны, он одновременно с этим организует и направляет негосударственных игроков, стремящихся к региональной гегемонии и придерживающихся джихадистских

		<p>принципов: «Хезболлу» в Ливане и Сирии, ХАМАС в Газе и хуситов в Йемене.</p> <ul style="list-style-type: none">• Над суннитским Ближним Востоком нависла угроза со стороны шиитского Ирана с его традициями персидского империализма.• Иран поддерживает режим Асада, видя в нем опору своего исторического преобладания на пространстве от Тегерана до Средиземного моря.• Страны Персидского залива настаивают на свержении Асада, надеясь сорвать планы Ирана, которого они боятся сильнее, чем Исламского государства.• Ядерная сделка – знак негласного признания Соединенными Штатами иранской гегемонии.• На первый взгляд, действия России играют на руку Ирану, поддерживающему шиитские элементы в Сирии. Однако в целом российские задачи не требуют, чтобы Асад навсегда сохранял власть.• США увлечены идеей переломить враждебные и агрессивные тенденции в иранской политике эволюционным путем и с помощью переговоров.• Сразу после подписания ядерного соглашения высший руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи вновь назвал США «большим Сатаной» и высказался против переговоров с Америкой о чем бы то ни было, кроме атомной программы.• Поддерживать равновесие между суннитским и шиитским блоками, чтобы это не переросло в открытый вооруженный конфликт, трудно даже при традиционных военных технологиях.
--	--	---

